

ХИТРА

«Это потрясающий рецепт превосходного
криминального романа!»

Tønner-Avisa

scandinavian
thriller

САМЮЭЛЬ
БЬОРК

Самюэль Бьорк
Хитра
Серия «Звезды
скандинавского триллера»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70297957
Хитра / Самюэль Бьорк: Издательство АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-149262-5

Аннотация

Это лето на острове Хитра выдалось чрезвычайно жарким. Одним летним днем молодой священник обнаруживает трех мертвых ворон, свисающих с алтаря церкви, и листок бумаги с какими-то загадочными буквами. Затем в старой лодке находят изуродованное тело девушки, а рядом с ним – написанное кровью жертвы имя мальчика, который исчез три года назад: Юнатан.

Миа Крюгер оказывается втянутой в расследование этих преступлений и обращается за помощью к Холгеру Мунку. Вскоре становится ясно, что зло скрывается за умиротворяющей вывеской острова.

Мии и Холгеру приходится преодолевать сопротивление местных жителей, которые не хотят раскрывать свои тайны даже ценой собственной жизни. Но у бывших следователей остается

все меньше времени, чтобы найти хитроумного и неуловимого убийцу.

А над живописной Хитрой уже начинают сгущаться грозовые тучи...

Содержание

1	6
1	6
2	11
3	16
4	23
5	29
6	36
7	47
8	55
9	61
10	65
11	70
2	76
12	76
13	83
14	88
15	96
16	101
17	114
18	119
19	126
20	137
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Самюэль Бьорк

Хитра

Samuel Bjørk

HITRA

© Samuel Bjørk, 2023

© Назарова М., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

– Алло?

– Мам, привет, это я...

– Юнатан, где ты?

– Я у Эрика, мы ловили крабов.

– Но, Юнатан, уже почти девять. Ты же помнишь, что завтра мы едем в гости к бабушке?

– Да-да, мам, послушай...

– Нет, это исключено.

– Что? Ты же даже не знаешь, о чем я спрошу...

– Знаю, ты хочешь переночевать у Эрика.

– Мама, ну пожа-а-а-луйста.

– Нет, Юнатан, я не разрешаю. Тебе завтра рано вставать.

– Ну хотя бы сможешь забрать меня?

– Нет, я выпила бокал вина. Мне нельзя за руль.

Ты же на велосипеде, да?

– Ну да...

– Хорошо, скоро увидимся, ладно?

– Ладно, мам.

Доротея Круг сидела на веранде белого дома священника и улыбалась, смотря на отблески света, мерцающие на поверхности моря около Эахолмена. Лето выдалось потрясающее. Наверное, лучшее из проведенных Доротеей на острове Хитра. В представлении злых языков такая погода установилась по вине изменения климата. Они полагали, что в мире началось глобальное потепление и скоро снова придется строить Ноев ковчег. Но Доротея Круг перестала слушать выразителей подобных суждений. Хотя каких выразителей, это одна Нура Странд так говорила, служительница церкви с кислой миной, которая только что заходила к ней в гости. Самый унылый человек на свете. Незамужняя и вечно недовольная всем и вся Нура теперь еще взялась причитать и насчет нового запрестольного образа.

– Спонсировать церковь? С каких это пор капиталы стали принимать решения за Господа?

Доротея могла бы с ней согласиться, но знала, что церкви необходим ремонт. Новая крыша. Покраска стен. А идущих от государства средств и близко на все не хватает. Подарок церкви от благополучной части их общины не помешал бы.

Хитра. Это прекрасный остров недалеко от побережья Трёнделага, где Доротея Круг прожила всю свою жизнь. От природы Хитры по-прежнему захватывало дух. Один только запах водорослей чего стоит. На волны, разбивающиеся о берег, можно смотреть бесконечно. Словно Господь, взяв лучшие из своих творений, создал место, которое должно было быть раем на земле. Свет. Море. Голые скалы. Продуваемые ветрами деревья. Свобода, благодать, несмотря на то, что сейчас идиллия этого маленького острова нарушена. Семей, которая так много работала, что теперь у нее больше денег, чем у всех жителей Норвегии вместе взятых.

Хенри Притц.

Основатель и владелец компании «Роял Арктик Сэмон». Когда-то он был обычным крестьянским мальчиком, а теперь мультимиллиардер, один из богатейших людей в стране, «Сказочный лосось у берегов Трёнделага», и далеко не все считали такое положение дел справедливым.

– Неужели этой семье все мало? Они и *церковью* хотят завладеть?

Доротея Круг покачала головой. Эта безнадежно унылая служительница церкви, которая пришла без предупреждения, омрачив столь прекрасный день, вызвала у Доротеи раздражение. Но нет, это не должно ее беспокоить. Пожилая женщина поднялась из кресла, освещенная лучами солнца, и убрала со стола кофейные чашки и пирожные. Часы за окном показывали без пятнадцати одиннадцать, наверное, ра-

новато для рюмочки портвейна? Нет, вовсе нет. Теперь, когда старый священник отправился в путешествие к Господу, она решала это сама. Она вынесла бокал на палящее солнце, когда ее телефон на столе завибрировал.

Да что ж такое.

Неужели нельзя посидеть спокойно?

Она уже приготовила кроссворд и все такое.

Вздыхнув, Доротея нажала на зеленую кнопку.

– Доротея слушает.

– Можете подойти ко мне?

Голос нового священника звучал в точности, как всегда. Нервно, взволнованно, но сейчас, возможно, даже более обычного. Она подметила это в нем еще в первую их встречу, ведь священники должны успокаивать людей, а не заставлять их нервничать еще сильнее, разве нет? Но, несмотря на это, в итоге он прижился. Молодой. Городской – нужно дать ему пару лет, и, даст Бог, он обретет спокойствие. Но вот прошел почти год, а он по-прежнему казался маленьким мальчиком, не знавшим, на какую ногу опереться.

– Вы должны прийти, кое-что случилось...

– Что, куры опять сбежали? Вы же знаете, что они могут свободно гулять, вернутся, когда сами захотят.

– Что? Нет-нет, я не об этом. Это насчет нового запрестольного образа, вы должны посмотреть сами. Вы дома? Сможете подняться сюда?

Вздыхнув, Доротея поставила бокал на стол.

– Сейчас?

– Да. Сможете?

– А до вечера это не может подождать?

– Нет-нет, мне кажется, нас кто-то наказывает. Свыше. Говорил я, не нужно было соглашаться на этот дар...

Юный священник словно готов был вот-вот расплакаться.

– Дайте мне две минуты.

– Хорошо, я в ризнице.

Доротея Круг убрала со стола бутылку и бокал и пошла в прихожую за своей соломенной шляпой. Видимо, отдохнуть ей сегодня не судьба. Сначала эта женщина из церкви с кислой миной, теперь священник на нервах. Может, уже пора ей отсюда переехать в пенсионерскую квартиру в Филлане, которую ей предложили?

Да, надо об этом всерьез подумать.

Только она вошла на лестницу, как заметила вдалеке чей-то силуэт на кладбище, отчего вся съежилась.

О, нет.

Разве это сегодня?

Она кинула беглый взгляд на телефон.

Шестнадцатое июля.

Конечно.

Доротея не хотелось смотреть, но и не делать этого она не могла.

Анита Хольмен.

Мама.

У пустой могилы.

Три года назад.

Здесь, на их безопасном острове.

Ее сын должен был вернуться домой на велосипеде от друга, и с тех пор никто его не видел.

Юнатан Хольмен.

Восемь лет.

Доротея стало стыдно.

За то, что она не сделала этого раньше.

Не подошла поговорить с ней.

Потерять сына?

Ну, знаете что.

Она же из Трёнделага и привыкла не лезть в чужую личную жизнь, но теперь уже с нее хватит.

Три года?

И никаких следов мальчика?

Нет, с этим нужно что-то делать.

Доротея надела соломенную шляпу и пошла быстрыми решительными шагами через кладбище.

Миа Крюгер проснулась от громких криков чаек, но на этот раз все было иначе. Вчера вечером темноволосая девушка, сидя на скале, обзревала открытое море, не до конца понимая, кто она. Зрелище, которое она увидела в старом белом домике, купленном ею когда-то на этом оторванном от мира островке, привело ее в шок. *Презняя я.* Подавляя тошноту, она прибралась в маленькой гостиной. Таблетки всех расцветок и форм. Одни от врачей, другие из мест, которые она больше всего на свете хотела забыть. По полу разбросаны звенящие пустотой бутылки, но хуже всего – календарь. Обведенная в кружок дата. *21 апреля.* День, когда она должна умереть. Покончить со всем этим. Снова встретиться со своей сестрой-близнецом. Сигрид. Она покинула этот мир десять лет назад, в грязном подвале в Осло, с иглой в руке. Все ушли. Мама, папа. Бабушка, на которую была так похожа Миа, что понимала внучку лучше, чем та понимала сама себя. *Ты видишь то, чего не видят другие, правда, Миа?* Вся семья. Все мертвы. И вот весь этот кошмар. Следовательно по делам об убийствах в элитном отделе полиции. Под руководством Холгера Мунка на Марибуэсгате 13. Самые тяжелые дела. Ее ответственность. Ужасы мира. На ее плечах.

Но с этим покончено.

Откинув тонкое летнее одеяло, она встала с кровати и

осторожно прошла по скрипучему мансардному полу. Шторы колыхались на мягком ветру. Семь недель назад она уволилась из отдела по расследованию убийств полиции Осло и с тех пор жила здесь. Одна. На Эдёя. Ее личном островке. В нескольких минутах на лодке от острова Хитра. Солнце стояло высоко на небе, и кристально чистая вода сверкала за скалами. Последний раз, когда она была здесь, Миа не почувствовала ничего. Под действием наркотиков. Опоенная таблетками. Выключенная из мира. Считала дни на календаре. И теперь, вернувшись сюда, Миа поразилась своим ощущениям. Все органы чувств работают в чистом организме. Голова в порядке, ком в желудке постепенно уходил, а раньше она даже не знала о его существовании.

Ты видишь то, что другие не видят, правда, Миа?

Она не спеша вошла в ванную и заставила себя посмотреть в зеркало. Последний раз она стояла перед ним меньше года назад. С туманом перед глазами. Длинные темные волосы струились по впалым щекам. Худая, высохшая, почти мертвец. Она посчитала свои ранения, полученные за десять лет работы в полиции. У Мии не было верхних фаланг на одном из мизинцев. Над левым глазом шрам.

Миа аккуратно сняла повязку с бедра и с облегчением увидела, что рана стала намного лучше. Эта – из последнего дела, когда сталкер выстрелил в нее в упор. Сначала в ногу, потом в бедро. Миа, подойдя поближе к зеркалу, изучила рану – та быстро заживала. Пара дней, и можно будет убирать

повязку и наконец пойти купаться. Нырять. Миа мечтала об этом с того момента, как ее лодка причалила к пристани, к ее собственной пристани. На ее собственном острове. Сильные эмоции переполняли Мию. Она нечасто плакала, но проронила слезу по пути к своему прекрасному дому на холме.

Она жива.

Но черт возьми, она чудом спаслась.

Ей просто повезло.

Если бы Мунк тогда не приехал сюда искать ее. Не привез ей дело, которое вернуло ее в Осло.

Лучше.

Сейчас все намного лучше.

Мысленно послав в небеса благодарность, Миа вошла в душ. Подумала, а не остаться ли ей на острове еще на пару недель, но нет, она уже пообещала. И потом, скоро осень. А за ней зима. Местные январские штормы испытывать на себе не хотелось, так что до их наступления надо придумать себе новое место жительства. Мамин и папин дома в Осгорстранне давно проданы. Ее квартира в Осло тоже. Миа долго думала, чем заняться. Они с сестрой Сигрид всегда мечтали уехать на север Таиланда и открыть там маленький бар, но теперь Миа не видела себя в этой роли.

Но тут позвонил он.

Чен, ее друг из Кореи.

– Привет, Миа, я слышал, что тебе нечем заняться? Ты же ушла из полиции?

Ее давний тренер, у которого теперь свой лагерь по скалолазанию на юге Франции. Ребята, у которых не все шло ладно, могли ползать по горным склонам, а Чен тем временем получал финансирование на свою вечную охоту за новыми, почти невозможными маршрутами по скалам.

– Мне нужны инструкторы. Почему бы тебе не приехать сюда?

Отлично.

Она вышла из душа, улыбнувшись от этой мысли.

Жить здесь одной?

Просто потрясающе.

Но навсегда тут оставаться нельзя.

Полазать по французским скалам пару лет?

Ничего лучше не придумаешь.

Улыбаясь, Миа потрусила на кухню, сделала себе эспрессо и босиком вышла на гладкие камни, уже нагретые утренним солнцем. Свет на острове был удивительный, почти неземной. И днем, и ночью. Миа даже обрадовалась, что ее машина сломалась, и она вынуждена остаться здесь еще на пару дней.

Приеду, когда починят «Ягуар», ладно?

Конечно, приезжай, когда захочешь.

Машина.

Сегодня надо будет съездить за покупками.

Миа как раз собиралась вернуться в дом, как вдруг увидела пытящую на входе в бухту лодку.

Кто бы это мог быть?

Она тут никого не знает.

Миа забежала надеть джинсы и спустилась по скале вниз.

Маленький ялик.

На борту девочка, лет десяти-одиннадцати в летнем платье в цветочек, с длинными светлыми развевающимися волосами.

– Это вы та сама известная полицейская?

Девочка живо вылезла из лодки и поднялась на край пристани.

– Да?

Миа улыбнулась.

– Может быть. А ты кто?

– Вы должны мне помочь.

Миа увидела в ее глазах серьезность.

– Я София. Это я виновата. Что Юнатан исчез. Помогите мне, пожалуйста.

Лука Эриксен встал из-за стола, подошел к стене маленького кабинета и снял с нее фотографию своей жены. Торжественно пронес ее по комнате, бережно убрал в ящик и, сев в кресло, стал смотреть перед собой пустым взглядом. Убрать все, что можно. Ее одежду. Ее личные предметы. Сложить все в коробки. Избавиться от них, если он сможет. Если нет, убрать с глаз, чтобы не видеть это каждый день. Может, на чердак или в подвал. Как можно дальше. И фотографии. Не делать так, как он уже делал: не сидеть вечерами в пустом доме перед экраном компьютера и смотреть снова и снова одни и те же видео, как он проводит пальцами по ее красивому лицу.

Опять ты меня снимаешь, Лука, ну хватит уже, я не причесана и ужасно выгляжу.

Он снова встал, подошел к кофемашине и остановился с чашкой в руках. С тех пор, как он последний раз видел жену, прошел один год, три месяца и четыре дня, и он так сильно по ней скучал, что порой не знал, куда себя деть.

– Участок Хитра, ленсман¹ Лука, слушаю?

– У нас автомобильная авария.

– Где?

¹ Представитель полицейской и фискальной власти в пригородах и сельской местности Финляндии, Швеции и Норвегии (здесь и далее прим. пер.).

– В туннеле. Машина на встрече. Полный хаос.

– Вы звонили 112?

– Да, они едут... но, Лука?

– Да?

– Это Аманда.

– Что?

– Аманда. Это ее машина.

Лука передумал, почувствовав в горле ком, и вернулся к столу, открыл ящик, повесил фотографию на место и погладил ее по стеклу.

– Прости меня, Аманда.

На столе зазвонил телефон, и ленсман вздрогнул. Он почувствовал, что, возможно, совет, который ему дали, все-таки верен. *Думаю, тебе не стоит работать, Лука. Еще слишком рано. Дай себе время.*

Не работать?

Нет, работать необходимо.

Сидеть дома? Без нее?

Ну уж нет.

Нужно вернуться в общество.

Быть полезным.

Лука Эриксен взял себя в руки, придал голосу официальный тон и поднял трубку.

– Участок Хитра, ленсман Лука, слушаю?

– Привет, Лука, это Доротея. Есть минутка?

– Конечно, Доротея, что случилось?

– У нас в церкви произошло кое-что. Священник возмущен. Ты мог бы приехать к нам или ты занят?

Лука улыбнулся.

Занят?

Участок Хитра работал только два раза в неделю. С десяти до двух. Это все, что нужно знать о преступности на маленьком острове. Раньше Лука ездил в Оркангер и работал там в те дни, когда участок Хитра был закрыт, но потом послушался совета и оставил только одну работу, на Хитре, и теперь он ходил в участок только по понедельникам и средам.

По средам.

– Лука, ну неужели обязательно делать это каждую среду, разве раз в месяц недостаточно?

Ее лицо в зеркале. Так хорошо знакомый ему взгляд, как будто раздраженный, но на самом деле нет. Звон ключей от машины, запах ее духов, когда она прикасалась губами к его щеке.

– И пожалуйста, играй сегодня получше, мне так надоело проигрывать.

Четыре супружеских пары.

Всегда одни и те же.

Смех и напитки, и он всегда ехал за рулем обратно домой.

Суббота, вообще-то это выходной, но конечно нет.

Раз кто-то звонит, безусловно нужно ответить.

– Лука, ты тут?

– Да, прости, Доротея, что ты сказала?

– У нас в церкви кое-что случилось. Наверняка ерунда, но ты же знаешь нашего священника, он за все переживает, ты не мог бы заехать к нам?

– Конечно, сейчас приеду.

– Хорошо, до встречи.

Как робот.

Так он порой себя ощущал.

Словно он просто машина.

Ничего больше не радуется.

Просыпаться в большой кровати.

Одному.

Чистить зубы.

Одному.

Завтракать.

Вечерами сидеть перед пустым экраном телевизора.

Одному.

Лука Эриксен тяжело поднялся из-за стола, взял ключи с крючка у двери и спустился по лестнице. Мгновение он молча посидел за рулем, пока наконец не нажал на кнопку пульта, открывавшего дверь в гараж, и выехал на солнечный свет.

Солнце. В этом что-то есть. В этом году лето выдалось прекрасным, лучшим за многие годы. Плохая погода. Вот почему тогда он отнесся к предложению жены со скепсисом.

– На Хитре есть вакансия учителя, Лука. Что думаешь? Давай переедем на север? Поживем в доме моего детства?

Разве это не романтично?

Случайности.

Эффект бабочки.

Если бы не случилось одно, второе бы тоже не случилось.

Если бы он тогда отказал ей, она бы сейчас была жива.

Как было бы здорово.

Любовь с первого взгляда.

Он тогда поступил в Высшую школу полиции и переехал в Осло. И вообще-то никого не искал. Был слишком занят своими делами – тренировками. Бег. Он жил бегом. Каждое утро подъем в шесть. За год изнашивал несколько пар кроссовок. Так он и встретил ее. Двухлетняя студентка педагогического, на полставки работавшая в обувном магазине в Майорстюа.

Аманда.

С Хитры.

Доротея Крог уже ждала его на лестнице, ведущей в церковь.

– Привет, Лука. Как ты?

– Спасибо, неплохо.

– Ты же знаешь, что я всегда жду тебя в гости, правда? Если захочешь поболтать с кем-нибудь?

– Спасибо тебе. Ты сказала, у вас тут что-то произошло?

– Ну да, даже не знаю. Наверняка хулиганы постарались. Я тебе позвонила по настоянию священника. Ты же знаешь, какой он нервный, бедняга. Ему пришлось прилечь отдох-

нуть. Пойдем, я тебе покажу.

Ленсман пошел за ней по ступенькам.

– Вот здесь.

Посреди прохода он остановился, с любопытством разглядывая стену за кафедрой священника.

Старый запрестольный образ сменился на большой новый.

Лука улыбнулся, покачав головой.

– Я понимаю, о чем они.

– Что?

Старушка обернулась к нему.

– Тебе не кажется, что это чересчур?

– Ну я даже не знаю...

– Слишком много веселья? Вот что интересно. Может, кто-то разозлился так сильно, что решил оставить нам небольшое послание.

Она подошла к маленькому куску ткани, лежавшему на полу в ризнице.

– Они висели на образе.

Доротея сняла покрывало и шагнула в сторону.

На полу лежали три мертвых вороны.

– Как-то страшновато, тебе не кажется?

– Само собой, кажется.

Эриксен встал на колени и поднял одну из птиц с каменного пола.

– А что с их глазами?

Доротея скорчила гримасу.

– Кто-то их вынул.

– Ну и ну.

Он осторожно вернул труп птицы на место.

– А еще вот это, уж не знаю, послание ли это нам или еще что.

Доротея указала на металлическую табличку, привязанную к лапе одной из птиц.

Лука перевернул ворону и посмотрел на гравировку.

– КТТУЗ?

– Не спрашивай. Понятия не имею, что это значит. Может, она была помечена. Ну орнитология и вот это все. Не знаю. Но приятного мало.

– Они висели наверху?

– Да, сегодня утром. Что думаешь?

Старушка сложила руки на груди и обеспокоенно посмотрела на Луку.

– Сложно сказать.

– Хулиганство?

– Весьма вероятно. Но, конечно, приятного мало. Хорошо, что ты позвонила. Я пойду наведу справки.

– Спасибо, – сказала Доротея, по-дружески погладила его по спине и вперед него вышла из церкви.

Девочка едва успела привязать ялик к пристани, как мыс обогнула еще одна, на этот раз большая лодка. Миа уже видела ее раньше – серый плоский риб с двумя мощными подвесными моторами. Он причалил к пристани у супермаркета «Куп», где Миа обычно покупала продукты. Само собой, лодка вызвала в ней любопытство, особенно логотип на боку: «Ныряние с аквалангом на Хитре».

– Ой, как обычно, – вздохнула девочка, сложив худенькие ручки на груди. – И сколько мне, по его мнению, лет? Три годика?

Обиженно покачав головой, она сделала несколько шагов вверх к скалам, когда изящная серая лодка достигла пристани.

– София?

Миа взяла веревку и привязала лодку к одному из столбов, когда мужчина – явный знаток лодок – выключил мотор и полез вверх по лесенке.

– София, я же говорил тебе, не мешай ей.

Рассердившись, девочка взбежала по скалам и скрылась за холмом.

– Пожалуйста, извините, – вздохнул мужчина, убирая светлую челку с глаз. – Она знает, что нельзя так делать. Она успела вас достать вопросами?

Миа улыбнулась.

– Ну что вы, я рада гостям.

Мужчина еще раз извинился и протянул ей руку. Миа обратила на него внимание еще на пристани. Стройный, высокий, примерно ее ровесник, голубоглазый и в футболке с тем же логотипом, что и на лодке. Миа нечасто так делала, но в тот раз вдруг остановилась и стала наблюдать, как он загружает кислородные баллоны на борт. Сформулировать она это не могла, но в нем было что-то, словно она откуда-то его уже знает.

– Я Симон. Еще раз извините, она совершенно одержима идеей с вами познакомиться с тех самых пор, как узнала, кто вы.

– Миа Крюгер, – представилась Миа.

Мужчина засмеялся.

– Да, мы в курсе. Она все это время говорит только о вас. И на этот раз мне не удалось ее остановить. Лучше бы я не покупал ей этот ялик, но вы же понимаете. Море – оно такое. Он повернулся в сторону моря.

– Лучше, чтобы дети подружились со стихией как можно раньше. София?

Он пожал плечами, как бы извиняясь.

– Я ее приведу. У вас и так есть чем тут заняться.

Миа улыбнулась.

– Ничего страшного. Но вид у нее был встревоженный. Она говорила, что во всем виновата. Про того мальчика.

Взгляд Симона слегка помрачнел.

– Да-да, извините. Она была с ним тем вечером, когда он пропал. Юнатан Хольмен. Не знаю, знакомы ли вы с...

– Да-да.

А кто ж не знаком? Страна у них маленькая. Тогда дело приобрело широкую огласку. Восьмилетний мальчик. Собирался ехать домой, пропал по дороге, и с тех пор его никто не видел. Расследование вел не ее отдел, а Крипос².

– Значит в ее словах ничего нет?

От обаятельного мужчины пахло солью и солнцем, пока он осторожно проходил мимо Мии по узкой набережной, чтобы подняться вверх по камням за девочкой.

– Нет, конечно. А что она могла сделать?

– Тогда почему она думает, что это ее вина?

– Она слишком чувствительна. Все принимает близко к сердцу. Если бы ее мать была здесь, может, было бы легче, но поскольку я с ней один...

Симон отвернулся, прикусив губу, словно сказал больше, чем собирался.

– Сорри, ее мать сейчас в Бурунди. Она врач. Врачи без границ. Здорово, конечно, что кто-то выполняет такую важную работу, но для Софии все это...

– Понимаю, – кивнула Миа, идя за ним вверх к дому.

Девочка с грустным лицом сидела на ступеньках, поджав ноги под себя.

² Управление уголовной полиции Норвегии.

Когда отец подошел ближе, она строго на него посмотрела.

– Мне одиннадцать, я сама могу решать.

– Конечно, София, но не могла бы ты?..

– Могла. Юнатан пропал по моей вине, я что, не могу попросить о помощи?

– Конечно, дочка, просто...

Симон сел с ней рядом на каменной лестнице и нежно погладил дочь по голове, и девочка спрятала лицо в ладонях.

– Почему ты считаешь себя виноватой? – спросила Миа, садясь на камень напротив.

– Потому что я могла остановить его, – всхлипнула девочка. – Я говорила ему, не садись на велосипед. Подожди. Говорила, что надо подождать. Что ему разрешат переночевать, если он попросит еще раз. Его мама, она такая... Вино и все такое.

Папа прервал ее.

– Нет, София, так мы не говорим. Мы ничего об этом не знаем.

– Ты хочешь сказать, что его мама выпивала? – спросила Миа.

Девочка кивнула и продолжила.

– Каждый вечер. И забирать она его не могла поэтому. Так уже случалось. У Эрика была игра «Супер Марио», поэтому мы были у него. Мы как раз собирались победить босса, Боузера – Юнатан обожал драться с Боузером, в прошлый раз

мы так и сделали, подождали, он позвонил еще раз, и мама разрешила ему остаться.

– София, мне кажется...

– Ну это же правда! Я должна была его уговорить!

Она снова закрыла лицо руками.

Симон погладил дочь по спине и посмотрел на Мию.

– Я уже говорил, она такая чувствительная...

– Это неправда!

– Я прекрасно тебя понимаю, – сказала Миа, переместившись в тень.

– Правда? – удивленно переспросила девочка.

– У меня так тоже было однажды. Когда я была в твоём возрасте.

– А что было?

– То же самое, что у тебя, только у меня так было с сестрой. Она была на тебя похожа, кстати. Длинные светлые волосы. И очень смышленная.

– Она тоже пропала?

– Почти, – ответила Миа. – Я, как и ты, жила у моря. И однажды она захотела, чтобы мы поплыли на лодке, хотя нам это было запрещено. Я попыталась ее отговорить, ведь у нас не было жилетов, но она настаивала, и я в конце концов сдалась.

– И что случилось? – спросила девочка, сморщив нос.

– Она чуть не утонула.

– Что?

– Лодка опрокинулась. Нам повезло – нас спасли, но сестра долго потом лежала в больнице, в легких было слишком много воды.

– Какой ужас...

– Так что я знаю, каково тебе. Как ты думаешь, я виновата в том, что она чуть не умерла?

– Что?

Девочка неуверенно посмотрела на отца.

– Ну, я не знаю...

– Мы же не можем принимать решения за других, правда? Все сами делают свой выбор.

– Ну да...

Папа девочки благодарно посмотрел на Мию, встал и собрался вести дочь вниз по скалам.

– Хорошо, София. Ты получила то, за чем пришла, давай теперь оставим Мию в покое?

– Что? – сказала девочка. – Я еще не закончила.

Она вырвалась из рук отца, развернулась и подошла к Мии с умоляющим взглядом.

– Вы можете найти его? Вы же самая лучшая. Найдите Юнатана, пожалуйста...

Миа привязала лодку к пристани у магазина. Она никак не могла выкинуть умоляющий голос девочки из головы. Но избавиться от наваждения не удастся и здесь: на доске объявлений у входа висел постер. Выцветшая фотография шурящегося в камеру мальчика. Прошло три года с его исчезновения, но плакат повесили не так давно. Видимо, кто-то не теряет надежды и все еще их расклеивает.

Три года назад.

У Мии случился внезапный флешбек: заброшенный кемпинг около озера Трюванн. Они с Мунком. Пропала девочка-подросток, и им сказали, что, возможно, она находится здесь. Миа не была готова к тому, что ждет ее там.

Бывший парень ее сестры.

Наркоман, сумевший обворовать Сигрид.

Миа почти ничего не помнит.

Только отдельные кадры вспышками и то, как внутри у нее все взорвалось.

Она выстрелила в него, дважды в грудь.

«Скорая помощь».

Потом допросы в особом отделе.

Если бы Мунк не солгал, Мию бы посадили.

Самооборона.

Какая чушь.

Убийство.

Она убила его.

А потом тьма.

Дни и ночи, которых она не помнит.

Черт возьми, Миа.

Только не это.

Только не сейчас.

Рядом висел второй плакат.

Надоело жить на Земле?

Полетели на Юпитер!

Она улыбнулась.

Надоело жить?

Нет.

Хватит с нее.

Она теперь другая. Новая Миа.

Сделав вдох, она повернула лицо к теплу солнца, постояла так секунду, пока не пришла в себя, после чего пошла вверх по дороге к автосервису.

Автосервис «У Роара».

Она сначала скептически отнеслась к этому месту, не надеясь, что здесь смогут починить ее машину, но быстро обнаружила, что вариантов не так много. Квенвер. Наверное, это самая красивая часть острова. Туристы, которых она случайно подслушала в магазине, произнесли это название так, словно оно волшебное. Словно поверить не могли, что в мире существуют такие места. Чудесные белые домики и крас-

ные лодочные сараи. Ухоженные садики и раскачивающиеся на ветру флажки-вымпелы, будто ожившая открытка – идиллия прибрежной Норвегии в своем лучшем исполнении. А вот сервис «У Роара», напротив, выглядел как мастерская в бедном квартале одного из южных штатов США. Словно кто-то поднял здание со всем вокруг, пролетел с ним через Атлантику и сбросил его здесь по ошибке. Видавшее виды кремово-желтое низенькое каменное строение с облупившейся местами краской. Петли на дверях в гараж так заржавели, что, казалось, закрываться они не могли. На всем участке, куда ни повернись, стояли раскуроченные машины, с большей или меньшей степенью нарушения целостности. По центру здания располагалась узкая белая металлическая дверь и большое окно, которое, наверное, не мыли с тех самых пор, как установили. Через грязное стекло можно было определить круг интересов и вкусы владельца. Постеры с женщинами топлес, вырванные из разных журналов, старая пластинка Кенни Роджерса и, само собой, (наверное, поэтому Миа подумала о перелете через океан) большой флаг южных штатов в той версии, где десять звезд заменены листьями конопли.

«Ягуар» Мии стоял на том же месте, где она оставила его две недели назад, явно выделяясь на общем фоне. Эстетике высшего класса Англии делать тут было нечего. Мию удивила царившая тут тишина, то, что над запачканным маслом асфальтом не разносится какой-нибудь ZZ-Тор. Может, де-

ло было в том, что единственная колонка, которую она обнаружила, висела на шнуре из стены, изрешеченной дырками, словно кто-то стрелял по ней дробью. С владельцем сервиса Миа еще не встречалась, только позвонила по номеру, найденному на бумажке на входной двери. Ей сказали «оставить тачку где, мать ее, ей захочется», и Мии даже стало любопытно, что это за персонаж такой. Будет ли владелец похож на американскую рождественскую елку так же, как и все его окружение. Не хватало тут только костюма Ку-клукс-клана, хотя кто знает, что тут еще есть внутри.

Миа зашла за угол обшарпанного здания и услышала музыку. Тихий кантри раздавался из радио в маленьком ремонтном зале с машиной на платформе. На походном стуле, спрятав лицо под козырьком кепки, сидел мужчина в ботинках и грязной рабочей одежде, и спал.

– Эй, есть тут кто?

Она аккуратно постучала по металлическому дверному косяку.

– Это вы, Роар?

Житель Хитры медленно пришел в себя и, увидев ее, вздохнул, словно она отвлекла его от важных дел.

– Да?

– Я Миа Крюгер. Насчет «Ягуара». Пришла спросить, закончили ли вы. Перемещаться по острову без машины трудно.

– Закончили?

Он сухо рассмеялся, обнажив зубы, явно давно не видевшие стоматолога.

– Нет, ну что вы. Коленчатый вал сломан, гильзы цилиндров надо менять, удивительно, что вы вообще сюда на ней добрались.

– Да ладно?

Он неохотно встал со стула и, зевая, подошел к Мии.

– Нужны запчасти из Англии.

– Хорошо. Когда их привезут?

– Вы хотите, чтобы я заказал их?

– Так вы не?..

Мии пришлось прикусить губу, чтобы не сделать мужику выговор. Единственный сервис в этой части острова, и если она планирует получить машину обратно, лучше этого парня не раздражать еще больше, чем он уже есть.

– Да, закажите.

– Окей, – сказал Роар, проведя рукой по грязной тряпке. – Это займет пару недель.

– А у вас нет какой-нибудь... машины в аренду? – спросила Миа, но тут же поняла, еще не договорив фразу.

Она больше не в Осло. Тут деревня.

– В аренду? – ухмыльнулся владелец мастерской, обнажив ряд желтых зубов.

– Поняла, поняла, – кивнула Миа.

– Тебе не на чем ездить?

– Да, но ладно, спасибо.

Она хотела было развернуться, как вдруг он изменился в лице, словно внутри него все же жил человек.

– У меня есть тут кое-что, – кашлянул он, кивнув на брезент в самой глубине захламленного помещения. – Взял его в залог. Франты хреновы, со своим выращенным лососем, тоже мне. Ходят с бриллиантовыми часами, а оплатить счета – хренушки. Одни понты, чертова шайка.

Он отложил тряпку и снял брезент.

Миа почувствовала, как на ее лице растянулась улыбка.

Перед ней стоял черный матовый «Дукати».

– Вау.

– Что, любишь мотоциклы?

И снова проблеск нормального человека, когда Роар изобразил нечто похожее на улыбку.

– Я сам обожаю «Харлеи», эти итальянские мальчишки ко мне не очень заходят, но да, хороший мотик, что уж тут.

Сплюнув на пол, он сдвинул кепку на затылок.

– В общем да, твою тачку чинить еще пару недель. А пока заинтересует тебя этот?

– Несомненно.

– Все равно стоит тут, место занимает. Подойдет тебе такая *машина в аренду*?

– Идеально.

– Хорошо. Закажу детали в течение дня. Свяжусь с тобой, когда все починим, пойдет?

– Пойдет, – улыбнулась Миа.

И выкатила черное чудо на солнечный свет.

Ханна Хольмен последний раз огляделась по сторонам, прежде чем взяться за дверную ручку кабинета психолога Фабиана Стенгеля. Придя к нему первый раз, Ханна испытала чувство стыда, да и сейчас ей все еще немного стыдно. Не потому, что ей казалось неприличным ходить сюда, а из-за сплетен вокруг этого. Хитра – маленькое местечко, и люди здесь любопытные, и в последние годы только и говорили, что о ее семье.

Ханна – старшая сестра Юнатана Хольмена.

Три года назад и у нее болело все, и душа, и тело, она с трудом могла надеть платье. Ноги едва справлялись с педалями велосипеда, словно ее тело вдруг стало весить сотню килограммов.

Она тогда рано пришла, еще оставался почти целый час до приема. Села на лавку в тени за домом культуры в надежде, что никто ее не заметит.

Одиннадцать лет.

Столько бы ему было сейчас.

Ханна поднялась по лестнице и села в одно из светлых кресел. В комнате ожидания никого не было. Стенгель заранее предусмотрел это, поняв, что место, где он работает – небольшой малонаселенный островок, и никому не хотелось встретиться в приемной с соседом или мамой одноклассни-

ка. Поэтому он, назначая приемы, всегда оставлял между ними большие интервалы. Однажды правда кое-что случилось. Ханна вообще-то не любила распускать слухи, но тот эпизод заслуживал внимания. Она сидела в ожидании приема, и на полу стояла сумка, очень дорогая. Девушке пришел в голову вопрос: у кого на острове может быть «Эрмес Биркин», они же стоят огромных денег. В это мгновение дверь открылась, и что вы думаете, кто вышел?

Синтия Притц.

Потом они с подружками весело позубоскалили над ней, встретившись дома у Сильвии, тогда это было единственное место, где можно было бывать всем вместе. Мама Йессики совсем сошла с ума, неудивительно, что Йессика такой стала, а дома у Ханны царил настолько гнетущая тишина, что можно было задохнуться.

– Синтия Притц? Да ладно?

Йессика смеялась громче обычного, а у Сильвии так выпучились глаза, словно сейчас выкатятся из орбит.

– Ходит к психологу?

В перчатках, солнечных очках и в платке на голове, словно какая-то кинозвезда из прошлого, покашливая, прошла в своем дорогом красном пальто «Марни».

Ханна сделала вид, что не обратила на нее внимания, но заметила, что богатая дама смутилась.

Синтия Притц.

Жена Хенри Притца.

Мама Александра и Беньямина Притцев.

Самая состоятельная семья острова.

– Вот видишь, – говорила Йессика. – Деньги не главное.

От них одни несчастья.

Подруги согласно закивали, ведь в их семьях денег особо не было, и им, честно говоря, было приятно услышать, что даже у тех, у кого «Феррари» и «Ламборгини», бассейны и собственные конюшни с арабскими скакунами, есть темы для разговора с психологом.

И тут Йессика, заговорив тише, попросила подруг подвинуться к ней поближе, и они сели кучнее на розовом ковре.

– *Я кое-что о них знаю.*

С серьезным взглядом прошептала она.

– *Секреты.*

Девушкам, само собой, стало страшно любопытно, но Йессика отказалась рассказывать дальше.

Только провела пальцем по губам, словно застегнула рот на молнию.

Даже представлять не хочу. Что будет, если об этом кто-нибудь узнает, вот что я могу вам только сказать.

...

– Ханна?

В дверях показался улыбающийся психолог, и через мгновение Ханна уже сидела в кабинете. Там, за закрытой дверью, она ощущала себя в безопасности.

Она еще в первый свой визит поняла это: сюда прихо-

дишь, словно в другой мир. Спокойно. Безопасно. Не было ни письменного стола, ни кушетки, на которой надо было лежать. Фабиан сидел в бежевом кожаном кресле, а она в точно таком же напротив. Кресла стояли на белом невероятно мягком ковре. Вдоль одной стены книжная полка, не переполненная, может, с дюжину книг, расставленных по цветам.

В этом кабинете она себя очень хорошо чувствовала.

Так хорошо, что чуть ли не испытывала угрызения совести.

Вот бы остаться здесь навсегда и никогда не возвращаться домой.

В мертвый дом.

К мертвому взгляду.

Мама.

Которая всегда была такой живой.

Которая всегда была для нее примером для подражания.

Теперь лишь сгорбленная тень.

Молча сидевшая на диване в гостиной.

Она даже телевизор не включала.

Не издавала ни звука.

Где-то в своих мыслях.

– Как ты, Ханна?

Ханна отбросила дурные мысли.

– Все хорошо, – ответила она, поджав под себя ноги.

– А как твоя мама?

– Все так же.

– Так и не разговаривает?

Ханна покачала головой.

– Сегодня особенный день, верно? Хочешь поговорить об этом?

Ханна чуть помедлила. И поняла, что не хочет.

Шестнадцатое июля.

Три года с исчезновения.

Она надеялась, они сходят с мамой вместе.

К тому месту, где брата видели в последний раз.

Но нет.

Ханна одна поехала на велосипеде.

Как и в прошлом году.

Собирая цветы по пути.

– А это обязательно? – наконец спросила Ханна, ощущая в горле комок, подступивший еще по дороге, и надеясь, что слезы не вырвутся наружу.

– Нет, нет, конечно нет. Это тебе решать. Это твое пространство. Можем говорить о чем угодно.

Поначалу она отнеслась к нему скептически. Психолог показался ей каким-то несуразным, начиная с его имени. Что за имя такое – Фабиан Стенгель? Словно персонаж из детской книжки. И кто вообще так одевается? Рубашка с жилеткой? Очки в толстой черной оправе? У него что, своя галерея? Как будто живет в Нью-Йорке. Вообще-то это не ее мысли, так про него говорили в кафе, в торговом центре, в боулинге: *самовлюбленный, высокомерный, задирает нос, мно-*

го мнит о себе и тому подобное.

Но Фабиан оказался каким угодно, только не самовлюбленным и высокомерным. Он был очень благожелательным. Умел слушать. С добрыми глазами. Немолодой, точно за сорок, и было в нем что-то, от чего Ханне казалось, что он ее понимает. Накануне их первой встречи она была в библиотеке, взяла книжку Харуки Мураками «Норвежский лес» и всю ночь, лежа под одеялом, читала и не уснула, пока не дочитала ее до конца, совершенно потрясенная красотой этой книги.

– Иногда я ощущаю себя как та девушка из «Норвежского леса», – вдруг вырвалось у нее.

Он удивленно улыбнулся.

– Вот как, значит, ты читала Мураками?

Он с любопытством наклонился вперед.

– В каком смысле? Чем ты похожа на нее, как тебе кажется?

Она прикусила губу: было очень необычно рассказывать кому-то, что она думает на самом деле.

– Ну, она такая грустная. И не может понять почему.

В следующий ее приход на подлокотнике кресла лежала книга.

– Это тебе, – улыбнулся он.

– Дж. Д. Сэлинджер.

– «Над пропастью во ржи». Тут про мальчика, но на самом деле о том, как быть другим. Не чувствовать себя как дома в

том мире, который нам достался. Прочитай, если захочется. Интересно, как тебе покажется книга.

Как хорошо.

Что кто-то воспринимает ее всерьез.

Взрослый мужчина, кому можно все рассказать.

Поделиться своими сокровенными мыслями.

...

– Как я уже сказал, – продолжил Фабиан. – Можем поговорить о сегодняшнем дне, а можем отнестись к нему как к любому другому, самому обычному дню. Хочешь поговорить о чем-нибудь другом?

Ханна кивнула, почувствовав себя лучше. Комок в горле уменьшился и почти не ощущался.

– Ты окончила первый год старшей школы. Хочешь поговорить об этом? Уже определилась, что будешь делать осенью? Останешься здесь или все-таки поедешь в Тронхейм?

Своя комната.

В городе.

Вдалеке от этой жизни.

В последние ночи она не спала, все время размышляя об этом, но пришла к выводу, что ничего не получится.

Нельзя бросать ее.

Маму.

Ханну совесть замучает, если оставить ее одну в этом мертвом доме.

– Даже не знаю.

– Ладно. А что твои друзья? Они останутся или рассматривают возможности академического образования?

Ханна не сдержала улыбки.

Йессика и Сильвия.

Ну да, они близкие подруги, но ни одну из них за «академическим образованием» она представить не могла, они, наверное, даже не знали такой термин. Ничего страшного, конечно, но говорить об этом с ними Ханна, безусловно, не могла.

Математика.

Именно ее больше всего хотелось изучать Ханне.

Не то что Йессике.

– Америка!

В прошлую пятницу Йессика, сидя на заднем сиденье машины Андреса Волда с бутылкой домашнего самогона и таблетками, и уже хорошо задутая, как всегда, завела одну и ту же песню.

– Лос-Анджелес! Вот было бы классно! Там же живут Кардашьяны. Давайте соберемся и уедем туда все вместе?

Бедная Йессика.

Иногда Ханне было так ее жаль.

Все знали, что ее мама водила к себе на вечеринки сомнительных людей. У девочки даже комнаты своей не было, кто-то одолжил ей старую лодку, и иногда Йессика спала в ней.

– А Диснейленд! Я читала про него в Интернете, можно приехать и работать, в костюмах героев мультиков, вот было

бы круто.

Выходные в машине Андреса Волда.

Ханна даже вздрогнула.

Мама никогда бы не разрешила ей общаться с этой компанией.

Раньше.

А теперь...

– Ты вроде говорила про какую-то вечеринку? Разве она не сегодня? Бал-маскарад?

Фабиан надвинул на нос очки и, прищурившись, посмотрел на стоявший на маленьком круглом столе календарь.

Ханна кивнула.

– Сегодня вечером, да. Но я даже не знаю...

– Что думаешь?

– Не знаю, хочу ли я туда.

– А почему бы и нет?

Она чуть помедлила с ответом.

– Ну. Все такие...

Фабиан нахмурился.

– Тебя беспокоит, что все пьяные?

– Да нет, хотя даже не знаю...

– Но ведь это совершенно нормально – экспериментировать в этом возрасте. В разумных пределах, конечно.

В разумных пределах?

В прошлую пятницу она уже хотела вызывать «скорую». Йессика, как обычно, влила в себя все сразу. Ханне с трудом

удалось ее разбудить.

– Маскарад – это же весело? Или тебе он кажется дурацким?

– Да нет, весело, конечно.

– Вы уже думали, кем нарядитесь? Принцессами там, эльфами, русалками?

Ханна засмеялась.

– Нет, это для маленьких девочек.

– А вы уже выросли, я вижу. Йессика, да? И...

– Сильвия, – проговорила Ханна.

– Вы все еще много общаетесь?

– Да.

Фабиан снова наклонился вперед.

– Я считаю, тебе надо пойти, Ханна. Думаю, тебе будет на пользу. Сегодня больше, чем когда-либо. Выбраться из дома.

– Это да.

– У меня есть костюм и лишние очки, если хочешь. Можешь нарядиться психологом.

Ханна опять посмеялась.

– Спасибо, у нас есть костюмы.

– Правда? Расскажи.

– Ну вы же знаете Йессику, она обожает Дисней. Она заказала маски в Интернете.

– Весело, – улыбнулся Фабиан. – И кого вы выбрали?

– Йессика будет Микки Маусом, я – Дональдом Даком, а Сильвия – Гуффи. Глупо, я знаю.

Фабиан бросил рассеянный взгляд на часы на столе.

– Хорошо, хорошо. Звучит забавно. Слушай, Ханна...

– Да?

Погладив подбородок, он положил блокнот и карандаш себе на колени.

– Ты уверена?

– В чем?

– 16 июля. Три года назад. Уверена, что не хочешь говорить об этом?

– Да.

– Хорошо. Хотел только удостовериться. Что хочешь обсудить сегодня?

Чуть подумав, Ханна ответила.

– Я хотела узнать, можно я просто посижу тут молча?

– Вот как. Конечно. Есть какая-то особая причина...

– Да нет. Мне просто нравится здесь бывать.

– Так и сделаем, – улыбнулся Фабиан. – Хочешь, чтобы я вышел?

– Нет-нет. Оставайтесь.

Тишина.

В кабинете.

Несколько минут.

Ханна Хольмен закрыла глаза и откинулась на подголовник бежевого кресла.

Лука Эриксен уже не помнил, когда в последний раз ему звонили дважды за день. Он сидел в полицейской машине у входа в «Европрис» в конце центральной улицы, думая о том, что лучше бы ему позвонил кто-нибудь другой. Это касалось звонков не от Каролины, из парикмахерской, а от человека, чье имя значилось на табличке рядом с ее дверью – от Фабиана, докучавшего Луке своим вниманием.

После аварии Лука изо всех сил старался избегать всех трех семейных пар, с кем они с женой так часто проводили время. Карточные игры по средам, обеды по субботам, нередко на улице, если позволяла погода. Его раздражали бесконечные сообщения на автоответчике. Неужели они не понимают? Что ему больше это не интересно. Что нужно оставить его в покое.

Привет, Лука, это Карин, хотела сказать, что в субботу будем делать гриль. Заедешь?

Привет, друг, это Юн, мы собираемся на лодке на Ульфёя в воскресенье, хочешь с нами?

Привет, Лука, ты куда пропал? Это Фабиан, я хотел сказать, что всегда рядом, если ты захочешь поговорить. Можем встретиться в моем кабинете, если тебе так удобнее. Давай назначу тебе прием? Ты только скажи. Я сразу же найду для тебя время. Ладно?

Ох уж этот психолог.

Лука пробовал отвлечься, это правда.

Во время обеда с креветками, хлебом и домашним пивом все пытались притворяться, будто ничего не случилось, словно ничего из ряда вон не происходит. Когда вместо восьми человек за большим столом оказалось семь.

Нет уж, спасибо.

Он перестал отвечать им.

И к счастью, сообщения от них стали поступать все реже.

Один Фабиан никак не угомонится.

В последний раз, когда серебристый «Лексус» свернул к дому Луки, тот спрятался. Сидел в ванной, закрыв уши руками и делал вид, что не слышит звонок в дверь.

Машина уехала, и на лестнице он нашел брошюру.

Лечение травмы.

Фабиан Стенгель.

Кандидат психологических наук. Клинический психолог, специалист в области психологической реабилитации.

Нет.

Ему это не нужно.

Он не идиот.

Он знал, что это означает.

В чем цель.

Забывать.

Вон что они от него хотят.

Забывать ее?

Лука Эриксен чувствовал нарастающую злость, выйдя из машины и направившись к площади Хитра.

Он никогда не забудет Аманду.

– Привет, Лука, как дела? – окликнул его парень с радостным лицом и широкой улыбкой, выглядывающей из-под велосипедного шлема.

– О, Пелле, привет, все в порядке. А ты как?

– О, хорошо, отлично. Скоро уеду. Чистая правда, я получил приглашение несколько дней назад.

Сияя счастьем, Пелле поставил велосипед на подножку и, стоя на тротуаре, переминался с ноги на ногу.

– Как здорово, а куда ты собирался, напомни?

– На Юпитер. Я избранный.

Лука кивнул, не зная, что и ответить. Пелле Лундберга на острове знали все. Чуть за сорок, а ведет себя как ребенок. Трагедия, на самом деле. Он работал у кого-то из тех, кто строит лодки, умелые руки, как о нем говорили. А потом несчастный случай. Что-то связанное с подъемным краном. Парня придавило корпусом, множественные черепно-мозговые травмы, и с тех пор он изменился. Грустная история. *Пелле НЛО*. Теперь все над ним добродушно посмеиваются, когда он ездит по острову на велосипеде с собранным для отъезда рюкзаком. Всегда улыбающийся, как счастливый маленький ребенок.

Я скоро уеду.

Они прилетят за мной.

– Я говорил, что скоро уеду? – сказал Пелле, улыбаясь еще шире.

– Говорил, Пелле. Очень рад. Они прилетят на... космическом корабле? – спросил Лука.

– Да!

Пелле подпрыгнул, хлопнув в ладоши.

– Жду не дождусь. Ноль три ноль ноль.

– Это время, когда они тебя заберут?

– Да. У птичьей башни на болотах в Хавмюране.

– Ну что ж, удачи тебе, Пелле.

– Спасибо. Можно я провожу тебя?

– В смысле?

Он живо убрал подножку с велосипеда и взялся за руль.

– Могу проводить тебя, если хочешь.

– Э-э, куда проводить?

– Ну, туда, куда тебе надо.

Лука дружелюбно улыбнулся, положив свою ладонь на его руку.

– Спасибо, Пелле, но я думаю...

– Ты к психологу собираешься?

Лундберг перевел взгляд в сторону площади.

– Нет, к нему я не собираюсь.

– Я был у него вчера, – сказал Лундберг, по-детски зажав нос рукой. – Не ходи туда. Он ничего не понимает.

Он на шлеме покрутил пальцем у виска.

– Буду знать, – улыбнулся Лука.

– Увидимся, когда вернусь, *если* я, конечно, вернусь.

– Хорошо, Пелле. Счастливого пути!

– Спасибо!

Лунберг улыбнулся и, сев на велосипед, поехал дальше.

Лука прошел пешком последние метры, перевел дух, натянул на лицо маску серьезности, и, проигнорировав вывеску на кабинете психолога, вошел в соседнюю дверь.

Парикмахерская «Чаплин».

Тихо зазвонил колокольчик.

– О, привет Лука, вот ты где.

К нему подошла Каролине и обняла.

– Как ты?

Усилием воли Лука сдержался.

Как же надоела их жалость.

Когда уже они оставят его в покое?

– Все хорошо, спасибо, – ответил Лука, нацепив вежливую улыбку. – Взлом, говоришь?

– Я даже не знаю, ничего не украли, но все это как-то гадко.

Она провела полицейского за собой через весь салон к заднему помещению.

– Вот. Видишь?

На желто-коричневой двери отчетливо выделялись царапины вокруг замка.

– Да, кто-то здесь побывал. – Эриксен огляделся. – Говоришь, ничего не пропало?

Парикмахер, сложив руки на груди, покачала головой.

– Нет, это-то и странно. Ну у меня тут, конечно, красть особо нечего, но ноутбук на месте, а кассу можно просто снять и унести. Так что не знаю, что они тут искали.

– Удивительно, правда?

– Даже ножниц не забрали.

– Странно. Может, кто-то застал их врасплох. Или они передумали.

Девушка вздохнула.

– Мол, они взломали дверь, а потом пожалели об этом?

Эриксен пожал плечами.

– Может, и так. Если это была какая-нибудь молодежь.

Каролине раздраженно покачала головой.

– Да уж. Хорошо, что ничего не пропало, во всяком случае. Кстати, ничего не получилось.

– С чем не получилось? – спросил Лука.

– Со свадьбой.

Она вышла из комнаты в салон и взяла чашку со стойки.

– Свадьба отменилась? – удивленно произнес он.

Свадьба – главная новость на острове. О ней тут говорили все. Александр Притц женится. Наследник империи. Старший сын Хенри Притца. Огромное событие летом на Хитре. По острову поползли слухи, что собираются приехать известные артисты. И только для персонала должны построить целый палаточный городок. Лука не знал, что из этого правда, но говорили об этой свадьбе действительно все. И не

только на острове, передовицы желтой прессы страны пестрели заголовками на эту тему.

Принц мечты нашел свою Золушку.

Сын миллиардера сделал предложение обычной девушке.

– Отменили? – переспросил Лука.

– Что отменили?

– Свадьбу.

Каролине засмеялась, беря сигарету в рот, и вместе с Лукой вышла на улицу.

– Нет-нет, извини. Отменяется мой план.

Она закурила, пройдя вперед на тротуар.

– Синтия всю жизнь стриглась у меня, ну или до тех пор, пока не стала слишком модной, чтобы сюда ходить. И я подумала, может, она сделает у нас свадебную прическу и макияж? Но потом прочла, что она пригласила суперстилиста из Лондона.

И практически шепотом добавила.

– Двести тысяч.

– Что?

– Говорят, столько это будет им стоить.

– Неприятно, что кто-то взломал дверь, – сказал Лука. – Но хорошо, что ничего не пропало. Пойду поспрашиваю людей вокруг, ладно?

– Спасибо, Лука. Береги себя, пожалуйста.

Подойдя к машине, он немного постоял и украдкой бросил взгляд на латунную табличку у двери.

Может, все-таки стоит...

Нет.

Он не готов.

Пока не готов.

Сев за руль, Лука прочел новое сообщение в телефоне.

Вечером занятие в хоре. Пойдешь?

Он устало вздохнул и положил телефон на соседнее сиденье.

Нет, спасибо.

Ну почему им просто не оставить его в покое?

Солнце зашло за облако, когда он завел мотор и выехал на главную дорогу.

Припарковав машину у участка и уже собравшись подняться в офис, Лука увидел приближающийся к нему черный мотоцикл.

Водитель снял шлем, и ленсман моментально узнал ее. Длинные черные волосы. Худенькая фигура. Девушка сошла с мотоцикла и направилась прямо к нему.

– Добрый день, вы Эриксен?

– Да, это я.

– Миа Крюгер, – представилась необычной внешности следователь, протягивая руку. – Можно вас на пару слов?

София оставила велосипед у дома Эрика, прошла по тропинке к морю и села на камень. Волны с шумом бились о берег. Над водой чайки попеременно сражались и пиروвали. Кто-то потрошил рыбу на борту лодки и выбрасывал очистки в воду. София, сжав губы, пыталась побороть в себе неприятное чувство обиды. Хотя это было и нелегко, она все же приняла решение: *она не будет расстраиваться*. В субботу в пять был намечен Скайп с мамой. София надела желтое платье. Маме оно очень нравится. Завязала волосы в хвост и с улыбкой сидела наготове у компьютера. Время пять минут шестого, половина, и наконец девочка поняла, что мама не появится на экране и сегодня тоже.

Вздыхнув, София подобрала с земли камень и бросила его в волны.

Нет, только не плакать.

В следующую субботу.

София отряхнула платье и пошла обратно к дому.

Наверняка в Бурунди Интернет будет лучше.

Когда она вошла, Эрик стоял на лестнице.

– Что ты делаешь? Куда ты запропастилась?

Он надвинул очки на нос, дыша так, словно бегом бежал вниз по лестнице из своей комнаты. Вид у него был очень возбужденный.

– Мне нужно было посмотреть на чаек, – ответила София.

– Пошли уже, – сказал Эрик, надевая кроссовки.

– Куда?

– Наблюдать. – Эрик побежал вперед нее. – Ты что, не видела мое сообщение?

– Про то, что ты видел что-то странное?

– Тсс.

Эрик приложил палец к губам.

– Что значит «тссс»? Тут же никого нет, кроме нас.

Бьёркелунден. Узкая, с обеих сторон обрамленная деревьями, тенистая, скрытая от солнца аллея, совсем не свойственная Хитре. Но все же нашелся тот, кто обсадил деревьями эту аллею, ведущую вверх к дороге. Если идти быстрым шагом, путь занимает не более десяти минут.

Именно по ней ехал Юнатан на своем велосипеде в день исчезновения.

– Ты серьезно? – сказал Эрик, удивленно посмотрев на Софию. – Никого, кроме нас? Ты что, не знаешь, какое у них оборудование? Прослушка? У них во вселенной столько спутников, они могут в любой момент наблюдать за нами.

Он надвинул кепку на лоб и показал на небо.

Ни облачка.

Спутников тоже нет, если уж на то пошло.

Эрик и раньше бывал таким, и накануне того вечера, когда пропал Юнатан. Видел какие-то тени за каждым кустом. Но с того дня его подозрительность только усилилась.

– Что ты хотел мне показать? – спросила София, идя вслед за Эриком по коридору из густых зеленых насаждений.

– Тихо, – приглушенно произнес Эрик. – Покажу, когда доберемся до пункта наблюдения.

– Ну здесь-то они нас не увидят? – сказала София, кивнув на скрывавшую их листву.

– Ты что, совсем ничего не понимаешь? – отозвался Эрик, обернувшись. – Они же могут *слышать*. Есть такие крохотные микрофончики. Почти незаметные. Они могут поставить их куда угодно.

– Ты думаешь, в деревьях микрофоны?

Она кивнула на одну из тонких березок.

– Или у тебя в кепке?

Эрик странно посмотрел на нее, не совсем поняв, о чем она.

– Я буду молчать. – Опустила голову София.

Обычно ей нравилось играть в детектива, представляя себя и Эрика на секретном задании. Они часто это делали. Но не сегодня. София была совсем не в том настроении.

– Там, – прошептал Эрик, когда они дошли до места.

Впереди солнечный свет отражался в море, как в зеркале. Рыболовецкое судно исчезло из виду, забрав с собой чаек.

– Где? – спросила София, приложив руку ко лбу, чтобы защититься от солнца.

– Вон там, – сказал Эрик, снова показав рукой. – Прямо у острова Хамнёя.

София ничего не видела.

– А на что надо смотреть?

Эрик сдвинул кепку со лба и вытер с него пот тыльной стороной ладони.

– Теперь уже ни на что. Сегодня утром было.

Он достал из заднего кармана блокнот и полистал его.

– Видишь? В 10:43. Желтая лодка.

– Желтая лодка?

– Да ладно тебе, София. *Желтая лодка*. Что с тобой такое сегодня?

– Извини, – ответила она, взяв себя в руки.

– Ну желтая лодка же. А какой сегодня день, помнишь?

– Воскресенье?

– Нет, сегодня суббота. Ну давай же.

Он живо стал листать свой блокнот.

– Смотри, вот прошлая суббота. *Желтая лодка, 11:05*.

И еще несколько страниц назад.

– А вот. Две недели назад. *Желтая лодка. 12:06*. Должно же это что-то значить, как думаешь?

Эрик сунул блокнот обратно в карман и огляделся.

– Это не рыбак.

– Чего?

Эрик удивленно посмотрел на нее.

– Тут же нет рыбы, это все знают. А эта лодка приплывает каждую субботу. Есть в этом что-то таинственное, я прямо чувствую.

Он снова надвинул кепку на лоб и огляделся, затем подошел ближе к Софии и прошептал ей на ухо.

– Помнишь, что сказал Юнатан?

– Нет, – ответила София шепотом. – А что он сказал?

– Желтая лодка. Ты забыла, он говорил о ней.

– Не помню.

Она действительно была сегодня не в духе, это правда. Но она на самом деле не помнила, чтобы Юнатан упоминал желтую лодку.

– Ну София! – воскликнул Эрик, явно теряя терпение. – Мы же на задании, или как?

Он покачал головой и, обиженный, пошел в сторону леса.

Софии стало стыдно. Эрик ведь не виноват в ее дурном настроении. Он не сделал ей ничего плохого.

– Я говорила с ней!

Она побежала вверх по скалам и догнала Эрика уже в лесу.

– Я говорила с ней! – повторила она, схватив его за плечо.

– С кем? – спросил Эрик.

– Ну с этой, суперполицейской. С Мией Крюгер.

– Правда?

Он сплюнул себе под ноги, сделав вид, что ничего не произошло, но было件нятно, что ему любопытно.

– Она согласилась, – улыбнулась София.

Это, конечно, маленькая ложь, но все-таки.

– Да ладно? – немного оттаял Эрик.

У Софии в кармане зазвонил телефон.

На экране высветилось *Папа*.

– Алло?

– София, ты где?

– Гуляем с Эриком, а что?

На секунду в трубке повисла тишина.

– Послушай... я буду занят вечером. Не хочу, чтобы ты оставалась дома одна. Сможешь сегодня переночевать у Эрика, как думаешь?

Странно.

Обычно папа всегда просил ночевать ее у бабушки.

– Смогу... слушай, можно вопрос?

– Хорошо, напиши мне, как узнаешь точно.

– Напишу... – произнесла София и хотела было сказать что-то еще, но папа уже положил трубку.

– Кто это звонил? – спросил Эрик, уже почти перестав дуться.

– Папа. Он хочет, чтобы я переночевала у тебя.

– У меня? – Эрик нахмурился.

– Да.

– Думаю, можно.

Он обернулся и прошел вперед по тропинке.

– Но постарайся вести себя более нормально, ладно?

– Обещаю. – София последовала за другом.

Ханна Хольмен стояла перед зеркалом в своей комнате и чувствовала себя как никогда глупо. Вечеринка? Да еще и вырядившись в персонажей из мультика? Боже, зачем она только согласилась на это? Она сняла маску Дональда Дака и опустилась на кровать. Желтые чулки, желтые тапочки в виде утиных лап, огромная голубая футболка и красная бабочка на шее. Эта идея казалась забавной тогда, и, конечно, она пришла в голову Йессике, когда они сидели у костра в компании Андреса Волда. *Оденемся героями Диснея! Я закажу костюмы!* В тот вечер все они сильно напились, и особенно Йессика, та почти на ногах не стояла.

...

Ханна поднялась с кровати, повернулась к зеркалу и покачала головой. Нет, так не пойдет. Господи, на людях в таком виде показаться нельзя. Она стянула с ног страшные чулки и достала из шкафа белую юбку вместо них. Так-то лучше. Маски и футболки Дональда Дака будет достаточно. И желтые кроссовки, кажется, у нее где-то были. Нет, они ей малы. Ну значит, наденет красные. Телефон Ханны запищал. В четырнадцатый раз за последний час.

Увидимся у Андреса, хорошо?

Ты же придешь?

Пришли фотку костюма!

Ты же не останешься дома?

Ханна отправила только одно сообщение:

Приду. Увидимся в шесть.

Она вздохнула и посмотрела дату на телефоне.

Шестнадцатое июля.

Ровно три года назад.

Ей, конечно, стоило бы остаться дома.

А не на вечеринки ходить.

Она быстро вышла из комнаты и спустилась в гостиную.

– Мама? Ты тут?

Тишина.

Ни звука.

Ханна прошла к спальне и осторожно постучала в дверь.

– Мама? Ты спишь?

Она открыла дверь, но внутри никого не оказалось.

Ханна направилась в кухню и заглянула в кладовую.

Два трехлитровых пакета вина, один белого, другой красного.

Может, отлить его в пластиковую бутылку? Мама же не заметит?

На полке за вареньем еще стояла бутылка водки.

Ханна взяла ее в руки – пробка присохла, похоже к ней давно никто не притрагивался.

Вот это лучше.

Девушка нашла на полу около мешка с картошкой пустую бутылку и ополоснула ее в раковине на кухне.

Приблизительно отмерив до края этикетки, она начала аккуратно наливать.

Водку в бутылку из-под воды, затем излишнее назад в бутылку из-под водки.

Наклонившись ближе к бутылкам, Ханна проверила результат.

Идеально.

Засунув бутылку в рюкзак, Ханна выключила свет в кладовой.

Водка.

Вообще-то она не очень ее любит.

Этот напиток таксистов.

Так ее называла Йессика, потому что знала одного водителя такси, который на работе пил только водку, поскольку после нее нет запаха алкоголя при дыхании.

Но ладно уж.

Ханна вернулась в гостиную и остановилась там в размышлениях.

Ком в животе.

После психолога она почувствовала себя лучше, но вот ком снова вернулся.

– Мама?

Она практически прошептала это слово.

Телефон снова запищал.

На этот раз фотография.

Йессика стоит перед автосервисом с бутылкой в руке.

– *Ну ты идешь???*

Ханна Хольмен, убрав телефон в рюкзак, направилась в коридор и надела красные кроссовки. Бросив последний взгляд на себя в зеркало, она спустилась с крыльца и показала велосипед в сторону главной дороги.

Миа прервала свои размышления, почувствовав, что ей нужна передышка. Но она оказалась кратковременной. Вообще-то Миа не собиралась заниматься работой, наоборот – она подсознательно противилась этому, но дороги назад уже не было. *Юнатан, где ты?* Миа всегда была способна отбрасывать в сторону все несущественное и сосредотачивать энергию на важном, словно шахматист за партией, с головой погруженный в свои расчеты, который не заметил бы и упавшей крыши.

Вот черт, ну зачем ей это надо?

Ладно, это всего на пару недель.

Пока не сделают машину.

Неважно.

Она уже открыла шлюзы.

Идти на попятную поздно.

Опустившись на камни набережной, она повернула лицо к мягкому свету. Оранжевое вечернее солнце, низко висевшее на горизонте, опять выплыло наверх. С острова доносились слабые звуки басов, у кого-то была вечеринка.

Юнатан Хольмен.

Восемь лет.

Коллеги с большой теплотой встретили звонок Мии.

Крипос, Янне слушает.

Привет, Янне, это Миа Крюгер.

Боже мой, Миа, как я рада, сто лет тебя не слышала.

Чем занимаешься?

Послушай...

В скором времени служащий полиции с грустным лицом ожидал Мию в подвале местного участка. Туда Крипос передал на хранение бумаги по делу Юнатана с намерением вернуться к ним позже.

Рассматривались четыре варианта.

С Юнатаном произошел несчастный случай.

Юнатана убили.

Юнатана похитили, и он мертв.

Юнатана похитили, и он жив.

Вроде бы других вариантов не остается.

Миа провела за материалами дела пять часов, прежде чем стали вырисовываться его контуры. Ее не покидало чувство, словно что-то тут не сходится. Исчезновение мальчика кажется невероятным, правда? Он ехал домой на велосипеде, и ехать-то всего около километра. И вдруг – бац, исчез бесследно?

Ну, один конкретный след все же есть.

Велосипед.

Его нашли водолазы на глубине нескольких метров, около пристани.

Так значит, несчастный случай?

Миа попыталась представить себе мальчика, едущего до-

мой.

По той или иной причине Юнатан решает не ехать сразу домой. Съезжает к пристани и там, опять же по неизвестной причине – дождя в тот вечер не было, не справляется с управлением велосипедом, падает, ударяется головой, теряет сознание и тонет.

Возможно такое?

Безусловно.

А зачем он вообще здесь оказался?

И как он мог забросить собственный велосипед в воду?

Нет.

Может, его чем-то сюда приманили какие-то ребята, и потом случилось несчастье?

Может, он увидел то, чего видеть был не должен?

Но ведь в тот вечер ничего подозрительного здесь замечено не было.

Кроме той машины.

Миа закрыла глаза и наклонилась вперед, пытаясь представить все, что тут происходило.

Чего она не видит?

Мысли звучат в голове, как будто чей-то шепот рядом.

По центру стены между фотографиями она повесила листок со временем событий в хронологическом порядке.

20.31 – Мать звонит семье Бю.

20.40 – Юнатан выходит из дома.

20.50 – В Свингене свидетель видит машину.

21.42 – Мать снова звонит семье Бю.

21.47 – Мать звонит в полицию.

22.05 – Полицейская лодка прибывает в Свинген.

Один час двадцать минут.

С момента выхода мальчика из дома приятеля до приезда полицейской лодки.

Всего один свидетель.

Который видел машину.

Мужчина лет пятидесяти.

Как там его звали?

Валлстедт.

Якоб Валлстедт.

Из единственного дома с видом на Свинген.

Это не официальное название на карте, просто так называли место, где пропал Юнатан. *Свинген*.

И всего лишь один дом.

Этот мужчина.

Он один не спал тем вечером.

Он не видел мальчика.

Но видел неизвестную машину.

Не видел мальчика?

Странно.

Миа встала на ноги, вытянула руки вверх, поборов желание снять повязку и опустить тело в манящую морскую воду, и потрусила домой.

Якоб Валлстедт.

Первым делом завтра утром к нему.

Но сначала надо поспать.

Раньше Лука Эриксен выпил бы бокальчик вина. Субботний вечер. Постоянное солнце за большими окнами гостиной. Слабое. Но все же. Как он любил эти вечера. Они с Амандой. Вместе. На веранде. А какие тут зимы? Вот на юге не очень, но здесь? Лука встречал зиму с радостью. Но иногда он злился на нее, в совсем уж плохие моменты. Снег здесь не падал нормально на землю, чтобы можно было кататься на лыжах, а летал в разные стороны, мокрый и липкий, от такого можно с ума сойти.

Но эти вечера.

Лука вынес чай и айпэд на веранду.

Солнце всю ночь.

И вино.

Много вина.

Сделав глоток чая, он застывшим взглядом уставился на море.

Иногда Аманда выпивала чересчур много вина.

Он не мог сосчитать, сколько раз ему приходилось поддерживать ее, ведя до постели.

Очень часто.

Аккуратно раздевать и заботливо укрывать одеялом.

Чертовы ее родители.

Как вообще можно так поступать с собственной дочерью?

Поначалу Лука ничего особенного не замечал.

Двое обычных жителей Хитры.

Но постепенно ему стало очевидно, что отец абсолютно равнодушен к дочери. Сколько бы она ни добивалась его внимания, все ее попытки были тщетны. Отношение матери еще хуже. Она постоянно критиковала Аманду. Ее работу. То, как она говорит. Ни одного доброго слова не произносила в адрес дочери.

Так что Лука не осуждал жену, когда та перебирала с алкоголем.

Для нее это было способом залечивать свои раны.

И, безусловно, он не винил ее в происходящем.

До тех пор, пока люди вокруг не начали проявлять внимание к ситуации.

Первым стал Фабиан, очень деликатно.

Слушай, Лука. Мы тут немного обсудили проблемы Аманды с алкоголем. Я бы хотел пригласить ее на сеанс ко мне, что думаешь? Может, это бы ей помогло.

Лука тогда, конечно, рассвирепел.

Да что им известно о том, через что она прошла?

Но со временем и он понял, что пора что-то предпринимать.

И Аманда начала ходить к Фабиану.

Сначала изредка.

Затем чаще.

И да, эффект был.

По крайней мере небольшой.

Отбросив эти мысли, Лука включил планшет.

В своем систематизированном архиве, где фотографии в одной папке, а видео в другой, Лука, сделав глоток чая, открыл одну из них.

О...

Он улыбнулся, почувствовав, как слезы катятся из глаз.

Ныряние.

Бедная Аманда.

Она так любила море, до тех пор, пока держалась только на его поверхности.

Но он ведь ее заставил.

Он так хотел, чтобы она поделила его радость.

Совсем другой мир на глубине.

И она попыталась.

Ради него.

Лука увеличил один из снимков.

Аманда в спущенном до талии гидрокостюме, с полотенцем на голове и испуганным лицом.

Прости меня, Аманда.

Я просто хотел...

Печальные мысли Луки вдруг прервались.

Что?..

Он отставил чашку в сторону и приблизил кадр еще.

На заднем плане.

Лодка.

Ее вытащили на берег и наполовину накрыли брезентом.

На носу название.

KITTU3.

I почти стерта.

K TTU3.

Черт.

Вороны в церкви.

Отметины на лапах.

KTTU3.

В нем проснулся полицейский.

Быстро приняв решение, Лука выбежал в коридор, натянул куртку и сел в машину.

Сетервоген.

Это близко.

Пятнадцать минут.

Он выехал на дорогу, вновь почувствовав укол совести.

Бедная Аманда.

Без сомнения, не стоило ее заставлять.

Как и она, он бросил заниматься нырянием.

Теперь это казалось ему неправильным.

Лука вышел из машины и пошел вниз по тропинке.

Сетервоген.

Гавань для причала лодок и хранения их на берегу. Солнце скрылось за облаком, и бухта погрузилась в легкий полусумрак.

Лодка по-прежнему была на месте.

КТТУЗ.

Старый рыболовецкий бот, который кто-то начал приводить в порядок, но, видимо, сдался на полпути.

Большой синий навес закрывал каюту.

Лука обошел лодку.

По левому борту на палубу вела лестница.

– Есть тут кто?

Он ступил на лестницу.

Откуда-то с острова доносилась музыка, у кого-то вечеринка.

Лука приподнял брезент, взобрался на палубу, достал из куртки фонарь и включил его.

– Эй, есть тут кто?

Странно.

Одежда.

Пара ботинок.

Несколько старых книг в мягком переплете.

Тут что, кто-то жил?

Под брезентом было довольно высоко, так что он встал почти в полный рост.

– Эй?

Пустая банка из-под колы.

Чипсы.

На верхней ступеньке лестницы, ведущей в трюм, грязный носок.

Лука осветил вниз.

Такое ощущение, что в трюме кто-то жил.

Маленькие кучки одежды.

В углу матрас.

А что это за запах?

Гари?

Вдруг Лука вздрогнул и стал хватать ртом воздух.

На полу лежала молодая девушка.

Окровавленная.

Луч фонаря лихорадочно заскользил по стенам, пока наконец не осветил раздробленную голову девушки.

Твою мать...

У девушки не было лица.

Холгер Мунк сидел в восьмом ряду концертного зала Осло, ощущая полное внутреннее опустошение. Концерт открывала девятая симфония Бетховена. Обычно приходя сюда и ожидая начала, Мунк радовался как ребенок. Стихающему бормотанию в зале, когда погас свет. Шуршанию инструментов и одежды, пока музыканты осторожно рассаживались. Нескольким секундам леденящей тишины перед тем, как дирижер поднимет палочку. Но в этот раз все прошло мимо Холгера. Он шел сюда с двумя билетами в кармане. Но кресло рядом пустовало. Лилиан не пришла. Значит, она все-таки не шутила. Поставила точку в их отношениях после событий последних недель.

По телефону голос начальницы из Грёнланда, позвонившей Мунку, казался нейтральным, но на самом деле она торжествовала. *По причине нехватки ресурсов было принято решение объединить все отделы столицы.* Конечно, до Холгера доходили слухи об этом. Он замечал в коридорах перешептывание и обеспокоенные взгляды сотрудников, но отказывался верить в ликвидацию своего отдела, ведь этим уже столько раз угрожали. Отдел по расследованию дел об убий-

ствах на Марибуэсгате 13 во главе с Холгером Мунком, выдающимся следователем Норвегии с командой лучших в мире профессионалов, расследовавших самые сложные дела с процентом раскрываемости близким к ста. Неудивительно, что у Мунка появились враги. Завистливые сволочи, которым не терпелось согнать его с трона. Холгер всегда просто отмахивался от них, как от пылинок на плечах своего потертого твидового пиджака.

Но теперь все кончено.

– Все кончено, Холгер.

Спокойно, как всегда, произнесла у него в кабинете Аннете Голи – его правая рука все эти десять лет. Но в ее глазах отражалось разочарование.

Несколько часов спустя в переговорной собрались Людвиг Грёнли, Габриэль Мёрк, Карри, Ильва, Ким Кульсё, которого Мунку наконец удалось переманить из Хёнефосса, пообещав золотые горы.

– Спасибо за отличную работу, команда. Увы, тут ничего не поделать.

Холгер Мунк с тринадцати лет ни капли алкоголя не брал в рот, но тем вечером решил все же выпить. Сидя за стойкой темного бара в Тёйене, склонившись над стаканом «Гленфиддика» с тремя кубиками льда, он так и не смог даже пригубить его. К счастью для Лилиан. Доброй надежной Лилиан, с которой он только недавно познакомился и, сразу сблизившись, оказался в одной постели с ней в тот же вечер. Он

чувствовал тепло ее тела, прикосновения ее мягких рук к своему круглому лицу.

– Видишь, Холгер? Это же знак. Прошное окончено. Началось будущее, понимаешь? Наше будущее.

И они стали подыскивать место для совместной жизни.

Лилиан и Холгера.

Наконец-то он съедет из хибары на Бишлетте, собрав свои немногочисленные коробки. Расставит вещи по полкам и наладит свою жизнь.

Впервые после развода.

В последующие дни Холгер постепенно оттаивал, стараясь избавиться от негативных эмоций, как того хотела Лилиан. Ему действительно понравились некоторые из квартир, предложенных риелтором. Прекрасная четырехкомнатная квартира во Фрогнере с видом на церковь Ураниенборг. Он был уверен, что с удовольствием поселился бы там. Или большая двухэтажная квартира в Вике, недалеко от концертного зала, и на нее Мунк тоже был настроен положительно. Но было что-то, что он стал замечать во взгляде Лилиан и в том, как она говорила. И вот в какой-то момент она сказала все как есть.

– Я не думаю, что ты этого хочешь, Холгер. По-настоящему.

И убрала свою руку из его руки.

– О чем ты говоришь?

– Мне кажется, ты все еще любишь ее.

– Что?

Он почти выкрикнул это, и в это мгновение понял, что, возможно, она права. Словно его поймали на лжи, о которой он и сам не знал, и оказался вынужден защищаться.

– Ну Лилиан, хватит.

– Холгер, почему ты не можешь просто признать это? Я взрослая. Я выдержу правду.

– Лилиан...

– Думаю, мне нужно немного побыть одной.

Стул противно скрипнул об пол. Лилиан молча взяла сумку и вышла из ресторана, не обернувшись.

Симфония № 9 ре-минор, опус 125 – последняя симфония Бетховена. Он завершил ее в 1824 году, создав настоящий образец совершенства, где переплетаются радость и драматизм. Мунк так хотел, чтобы Лилиан ее послушала. Таким, наверное, неуклюжим способом он хотел признаться ей в любви. Два дорогих билета, лучшие места, оркестр уже всю разыгрался, но впервые в жизни Мунк не почувствовал ничего.

После антракта он не вернулся в зал.

Уставившись пустым взглядом на площадь, Холгер достал третью сигарету из пачки, не успев докурить предыдущую.

Телефон Мунка завибрировал, но он не слышал его звука. Вибрация закончилась и началась снова.

На автомате он наконец вытащил его из кармана.

– Мунк, слушаю.

В трубке незнакомый голос.

– Привет, Холгер, извини за беспокойство, это Том.

– Какой Том?

– Людвигсен.

Мимо Мунка по улице Мункедамсвейен проехала машина с орущей молодежью и грохочущей из окон музыкой.

– А, привет, Том. Извини. Я что-то... задумался. Давненько от тебя ничего не слышно.

– Да уж. Как у тебя дела?

– Что? Э-э... нормально. А у тебя, ты еще?..

Том Людвигсен.

Бывший коллега. Со времен работы в отделе Грэнланда. Один из начальников среднего звена.

– По-прежнему в Трёнделаге, да, – засмеялся Людвигсен. – Надо сказать, скучаю по столичной погоде, но, когда получаешь хорошее предложение о повышении по службе, отказываться грех, как ты считаешь?

Людвигсен сухо рассмеялся, явно ожидая ответа, но Мунк промолчал, потупив взгляд.

– Что ж... – продолжил коллега. – Так это правда?

– Что?

– Что ты теперь меж двух работ?

Мунк вздохнул, закуривая.

– Увы, но это так.

– Возвращаешься в Грэнланд или...?

– Я пока не решил, – кратко ответил Мунк, пожалев, что

не отклонил вызов.

Старая привычка.

Всегда быть на связи.

– Хорошо, – чуть ли не с радостью сказал Людвигсен. –
Значит, у меня все-таки есть шанс.

– Ты о чем?

– Как ты думаешь... ты бы мог приехать сюда к нам?

– Что-что?

– Знаю, что прошу многого, но у нас тут одно дело, и мне кажется, что оно нам не по плечу. У нас работают грамотные ребята, не подумай ничего плохого, но меня не покидает ощущение, что нам нужен кто-то более опытный в такого рода делах.

Мунк пришел в себя.

– О чем идет речь?

– Девочка шестнадцати лет. На островах. На Хитре.

– Так?

Хитра.

Меньше года назад.

Он нашел там Мию.

Ее было не узнать.

Почти при смерти.

– Не хочу обсуждать подробности по телефону, – продолжил Людвигсен. – Скажу одно: не нравится мне это дело. Непохоже ни на одно, что я видел раньше. Особо жестокое. А то, что мы нашли на месте преступления, я даже не знаю...

Мунк со вздохом перебил его.

– Том. Мне очень приятно, что ты обратился ко мне, но не думаю, что...

Людвигсен ответил мгновенно, словно только и ждал возможности.

– Это она попросила меня позвонить тебе.

– Кто?

– Миа Крюгер.

– Что?

– Она была здесь сегодня ночью. Труп нашел местный полицейский, он и привез Мию.

– Миа у вас?

– Да, – ответил Людвигсен. – Она вызывает тебя сюда. Попросила меня позвонить. Чтобы было официально. Так что скажешь? Приедешь?

– Буду у вас через пару часов. Пришли мне все, что есть, – сказал Мунк и побежал к стоянке такси.

Миа Крюгер пришла на пристань в той же одежде, что накинула на себя, когда вечером накануне ей позвонил Лука Эриксен. В ожидании Мии ленсман стоял, опершись о полицейскую машину. Его лицо было по-прежнему бледным. Миа уже забыла то чувство, которое испытывала в такой же ситуации, в которой сейчас Лука. Переместившись в тень, она наблюдала за ним. Ей понравилось то, что она увидела в его взгляде. Естественную реакцию нормального человека при виде изуродованного трупа. Шок. Злость. *Кто-то убил эту юную девушку.* Миа пристально всматривалась в лицо полицейского, словно проверяла себя на человечность. Она уже с трудом помнила себя, когда была на месте Луки, чем это было для нее в первый раз. Для милой, сострадательной, неискушенной Мии, какой она была когда-то.

Вот почему она ушла из полиции.

В надежде найти обратный путь.

Путь к себе, к той Мии, которой она когда-то была.

Став полицейским, ты навсегда полицейский.

Эти слова Мунка прожгли ее насквозь.

После ее первого дела в составе его команды. Убийство двух мальчиков, раздетых и положенных на землю с трупом лисы между ними.

Миа поняла тогда, что имел в виду ректор Высшей школы

полиции, говоря, что у Мии есть особый дар.

В тебе есть то, чего больше нет ни у кого, Миа.

Двое голых мальчиков и животное.

Она словно чувствовала его – преступника.

Ощущала его, будто он был где-то внутри нее.

Тогда она была на десять лет моложе, и, когда полицейские нашли хижину убийцы в лесной глуши, Миа торжествовала.

И только впоследствии, много месяцев спустя, ее настиг шок. Она находилась на грани нервного срыва. Лежала в постели под одеялом, не в силах даже разговаривать.

Может, надо уйти.

Может, это не для тебя, Миа.

Но Мунк ее переубедил.

Стал полицейским, ты навсегда полицейский.

Миа не смогла смириться со злом.

Что за человек способен убить двоих детей, раздеть их, положить между ними труп животного и снять это все на камеру?

Я не хочу жить в таком мире.

Мунк, поняв состояние Мии, провел подробный разбор дела после его завершения, и она видела, что во многом это было ради нее.

Чтобы объяснить, почему такое случается.

Кто такой этот человек.

В хижине убийцы полицейские нашли его дневники.

Пространные, омерзительные разъяснения.

Его видение дела.

Явного педофила, который не хотел себе в этом признаваться. Эти дети его соблазняли. И заставили сотворить то, что он ни за что на свете не сделал бы. Ему пришлось убраться, потому что они не годятся для этого мира, они будут делать это снова и снова с такими же, как он.

Тогда Мию задел выбор выражения. Убраться, а не убить.

Убраться их красиво.

Лучше ей после того брифинга не стало, отнюдь, но она почувствовала свою общность.

С коллегами в отделе.

Они стали единой командой.

Это и заставило ее остаться.

...

– Вон та лодка.

Лука показал в сторону моря и по гравию пошел к Мии.

– Все нормально?

Она положила руку ему на плечо.

– Что? А-а, да. Лучше.

– Я рада, что вы позвонили вчера, – проговорила Миа.

Лука вытер пот рукой со своего бледного лица.

Солнце на безоблачном небе припекало.

– Даже не знаю, наверное, мне стоило...

– Все в порядке, – сказала Миа, снова погладив его по плечу.

Он стоял и смотрел в одну точку, даже не заметив, как у него зазвонил телефон.

– В участке все готово?

– Э-э, что?

Он повернулся к Мии и уставился на нее почти отсутствующим взглядом.

– Нам нужна комната для работы.

– Что? А, да, конечно. Как насчет переговорной в конце коридора? Подойдет?

Эриксен наконец очнулся.

– Само собой.

– И нам понадобятся *вы*, хорошо? Только вы всех здесь знаете.

– Да. Разумеется. Конечно.

– Хорошо, Лука. Сможете составить карту взаимосвязей?

– Карту?

– Ее ближний круг? Мать, отец, соседи, друзья, школа, работа, ну в общем все, что нам может пригодиться.

Лука кивнул и убрал челку со лба.

Он опять полицейский.

Кажется, слова Мии помогли ему прийти в себя.

– Мне?..

Он посмотрел на лодку.

– Нет-нет, поезжайте. Нужно начать работу как можно быстрее. Мы скоро подъедем, ладно?

– Хорошо. – Лука пошел к машине, а тем временем паром

медленно подплывал к пристани.

Туристы наверняка листали рекламные буклеты или читали инструкции в Интернете. Летний отпуск в Норвегии? Возьмите как можно больше теплой одежды, потому что гарантировать можно только одно: вы будете мерзнуть. Но в этом году боги погоды опровергли это утверждение. Морская гладь искрилась под лучами палящего солнца, лица туристов сияли счастьем и восторгом. Смех и радостная речь немцев, французов, американцев и японцев, позирующих перед телефонами и объективами камер на фоне брызг воды у перил открытой палубы, окружили Мунка. Сам он вышел сюда только чтобы покурить, но не смог уйти, и так и остался сидеть, наслаждаясь великолепием пейзажа Хитры, потрясающей красоты острова в устье фьорда.

Миа встречала Мунка на пристани.

– Привет, Холгер.

Она обняла его и отвела в тень на скамейку.

Стерев пот со лба, Мунк грузно на нее опустился.

– Ты и есть вся встречающая процессия?

Миа с улыбкой положила телефон на лавку.

– На данный момент, да. Криминалисты еще работают на месте преступления, из Тронхейма прислали всех, кто у них был, но все ждут тебя.

– Хорошо, – кивнул Мунк, доставая из чемодана айпэд.

– Все нормально?

Наклонив голову набок, Миа посмотрела на бывшего начальника.

Страна маленькая.

Все всех знают.

Ясное дело, она в курсе.

О закрытии отдела.

– Нет. Что ты хочешь услышать? Могло ли быть хуже?

Он со вздохом достал сигарету из пачки.

– Все образуется, – сказала Миа, накрыв его ладонь своей.

– Ты думаешь?

– Ну конечно.

Она послала ему теплую короткую улыбку из-под темной челки.

– Начальство – политики. Оно сменяется через равные промежутки времени. Придут новые начальники, и ты вернешься, они же знают тебя и что ты умеешь.

– Будем на это надеяться.

Мунк снова вздохнул и закурил.

– А ты?

Миа замешкалась.

– Все хорошо, – наконец произнесла она.

– А если честно?

– Ну...

Она перевела взгляд на море.

– Я тебя не виню, если ты за это переживаешь. Ты сделала

то, что должна была.

– Уверен?

Она бросила на него краткий взгляд.

– Конечно, Миа. Даже не думай об этом.

– Хорошо. Меня, естественно, мучила совесть. Когда я услышала о закрытии отдела. Вдруг это из-за меня. Вдруг своим уходом я дала им зеленый свет.

– Ты не настолько важная персона, – подмигнул Мунк.

– Да ты что? – улыбнулась Миа.

– Ага. Я раскрывал дела еще задолго до твоего появления, ты забыла?

Она засмеялась.

– Наведем марафет в участке, он маленький, но места должно хватить.

– Ты хочешь начать здесь?

Миа кивнула.

– Я хотела побыть с тобой прежде, чем ты приступишь к решению практических задач.

– Ладно, – согласился Мунк, выключая планшет.

– Ты получил все материалы?

Миа включила телефон, повернув его к Мунку.

– Вот это у тебя есть?

Он подтвердил кивком головы.

– Окей. Вчерашний вечер. Около полуночи мне позвонил местный ленсман, Эриксен, он был в панике и не знал, за что хвататься.

– Это он нашел ее?

– Да. В старой лодке, стоявшей на берегу.

– А зачем он туда пошел? Какие-то... птицы в церкви, да? Миа кивнула.

– Три вороны на новом запрестольном образе. С метками на лапах. Вот.

Она повернула к нему телефон и показала снимки.

– Он увидел эти буквы и связал их с лодкой?

– Верно. КТТУЗ. Kitty3. На старой посудине i стерлась. Острый глаз. Думаю, он очень неглуп.

– Он будет дальше работать с нами?

– Да, думаю это хорошая мысль.

– Хорошо, – сказал Мунк, прикрываясь от солнца. – Значит, эти птицы были на алтаре? Что про это говорят?

– Тут на острове ходят разные слухи, – пояснила Миа. – Про семью Притц.

Хенри Притц.

«Роял Арктик Сэмон».

Невозможно не знать его.

Не так уж много миллиардеров в этой маленькой стране.

– Его семья проспонсировала новый алтарь, некоторые считают, что это чересчур. Акт откровенного самообожания.

– Рыба есть, а Христа нет?

– В таком духе. Я его не видела, но Лука сказал...

– Лука?

– Сорри, Эриксен. Местный ленсман. Его первой мыслью

было, что это шутка. Жутковатая, но все-таки.

– Им выкололи глаза, да?

Миа показала следующий снимок.

– И что ты думаешь?

Она повернула лицо к морю.

Снова этот взгляд.

Мунк узнал его.

Как же сильно он по ней соскучился.

– Не уверена, – медленно произнесла она.

– Но это относится к делу?

– Что? А, да, конечно... просто...

– Что?

– Даже не знаю. Есть тут что-то, что я не совсем понимаю.

– Ты там была?

– В церкви? Нет, все смешалось во времени. Я почти не спала.

– Надо пойти туда, это в приоритете, ладно?

Кивнув, Миа показала ему новый снимок.

– Итак, наша жертва. Ее зовут Йессика Баккен. Шестнадцать лет. Похоже, что она жила в этой лодке, как часто и как долго, мы не знаем, но все-таки.

Следующий снимок.

– Забили до смерти, множественные удары спереди, судя по всему, лица почти не осталось.

– Орудие убийства?

Она пожала плечами.

– Лом? Сперва я подумала на молоток, но не знаю, тогда раны были бы отчетливее?

Увеличив фотографию, она посмотрела на Мунка.

– Согласен, – сказал Мунк. – Нашла там что-нибудь?

– Нет. Там довольно темно. Похоже, электричества у нее там не было. Несколько свечей, пара ламп на батарейках. Криминалисты все выяснят. Но однозначно можно сказать, это крайне агрессивное нападение совершено спереди, возможно, когда жертва лежала.

– Она не спала?

– Пока рано об этом говорить. По словам Эриксона, вчера у них тут был маскарад, местное мероприятие, я нашла маску Микки Мауса, значит, скорее всего, девушка собиралась туда, или уже побывала там, поэтому вряд ли она спала.

– А временные рамки?

Миа пожала плечами.

– Не знаю. Все было свежим, но не *настолько*, если ты понимаешь, о чем я. Кровь на полу еще была не засохшая, только по краям чуть запеклась. Думаю, прошло несколько часов с момента преступления.

– Семь-восемь, так?

– В таком духе.

– Телефоны, средства связи?

– Я поискала ее телефон, но не нашла. Компьютера тоже не было. И насколько я знаю, дома у нее еще никто из команды не был.

– Так у нее есть дом? Кроме этой лодки?

Мунк прикурил новую сигарету от предыдущей.

– Есть, насколько я поняла. Но там все сложно. Мать-алкоголичка, или наркоманка. Что-то такое, я еще мало знаю.

– Семье сообщили?

– Кажется, они пытались ее найти, но нет.

– Мать?

– Да. Говорят, она часто ходит в город. Наверное, под градусом, не знаю.

– Пока мы с ней не свяжемся, все строжайше секретно, ладно?

– Само собой, – проговорила Миа. – Пока никакой прессы. В местной прессе журналисты тактичные, насколько мне известно. Пока ничего еще в национальную прессу не просочилось. Кроме слухов о том, что они скоро заполонят остров.

– Кто? Почему заполонят?

– Да свадьба эта. Наследник лососевой империи женится. Настоящую шумиху подняли.

– Ужас, – пробормотал Мунк.

– Знаю. Будем держаться, пока это возможно.

Она замолчала.

– О чем ты думаешь?

– Не знаю, – пробормотала Миа. – Такое проявление агрессии похоже на состояние *аффекта*, правда ведь? Преступление в высшей степени жестокое.

Мунк согласно кивнул.

– И в то же время картина, учиненная в церкви и увиденная мной на месте преступления в лодке – и там, и там все выглядит тщательно спланированным. Но они никак не вяжутся между собой.

– Ты об этом? – спросил Мунк, подвинув ей свой айпэд.

– Да, – медленно проговорила Миа.

На дисплее фотография небольшой белой чайной чашки.

На ней была надпись:

BABY SKJSHGE³

И внизу, кровью убитой, написано имя:

Юнатан.

³ Маленькая блудница (*норв.*)

Стоя на открытой площадке перед кафедрой священника в церкви, София слегка улыбнулась самой себе. Каждый раз одно и то же. Споры о том, кто будет дирижировать. Казалось бы, все уже достаточно взрослые, чтобы демонстрировать распри между собой на публику и делать окружающих свидетелями этого. Девочки, стоявшие рядом с Софией, не удержавшись, одновременно прыснули. София подмигнула им и тоже прыснула от смеха. Она обожала пение в хоре. Эти парящие под сводами нефа голоса. Но перед началом девочкам предлагалось посмотреть это мини-представление с разногласиями дирижеров. Любимыми псалмами Софии были *Господь наш, яко чудно имя твое* и *Любовь Божья*. После концертов папа Софии всегда качал головой и говорил «да-да», но ничего мучительного в церковных песнопениях для девочки не было. Ей важна была мелодия. И в душе у нее все переворачивалось, когда многоголосие разливалось в воздухе, переливаясь оттенками, словно мыльные пузыри, а содержание не имело значения. Папа, как и все взрослые, хотел все *объяснить* и не раз принимался разговаривать с дочерью. *Ты же знаешь, многие думают всякое разное*. Ну да, ну да. Она же не ребенок. Она понимает, что на небе нет никакого старика с бородой, который сидит на облаке и видит все, что они делают, но для Софии это было неважно. Глав-

ное то, что она *чувствовала*, когда пела. Какую радость при этом испытывала. А не слова псалмов. Но с приходом нового пастора в репертуаре хора произошли изменения. И странно, что именно он предложил им петь другие песни, не только о Боге. Однажды, когда Нура болела, новый священник принес незнакомые ноты и шепотом, словно какую-то тайну, сообщил всем, что *сегодня будем петь кое-что веселое*. Это было перед Рождеством, и вообще-то они должны были репетировать рождественскую службу. А он предложил песню под названием *All I want for Christmas is you*, она была на английском и никакого отношения к Богу не имела. Было и правда весело, особенно потому, что пастор не так хорошо играл на пианино, как думал, и его игра звучала очень странно, такой клинк-клонк, но петь на английском было забавно, словно ощущаешь вкус необычной сладости во рту. По возвращении Нуры все ждали ее реакции на нововведение. И Нура едва держала себя в руках, покраснев как рак, что того гляди пар из ушей повалит, и с тех пор они никогда больше не пели ту песню.

София почесала коленку и обмахнула лицо листочком с текстом, словно веером. Сегодня в церкви стояла ужасная жара, но несмотря на жалобы некоторых хористок, они должны были репетировать перед БОЛЬШИМ концертом. В душе все трепетало при одной только мысли о предстоящем событии. Вы только представьте! Наверное, самая грандиозная свадьба в мире, и она будет на ней петь! София почув-

ствовала, как ее лицо расплывается в улыбке. Как романтично. Просто как в сказке. Принц женится, и пусть король с королевой наверняка хотели бы, чтобы его избранницей была принцесса, может даже из другой страны, он влюбился в *совершенно обычную девушку*, прямо как она.

– Да, но Притц... – пробормотал новый священник, показав на листочек перед собой.

У Нуры покраснели щеки, но она делала все возможное, чтобы не произнести вслух все, что думает, но всем своим видом демонстрировала крайнее недовольство. Она иногда бывала такой. Ее сильно заботило малейшее отступление от правил церкви, Бог, Иисус и все такое. Кажется, они с пастором наконец закончили спор у алтаря. Нура кашлянула и с улыбкой посмотрела на участников хора, в то время как священник поспешил к пианино. Софии стало стыдно, что она плохо подумала о пасторе. Он довольно неплохо играл, просто эта английская песня сложно ему давалась.

Нура уже собиралась начать, но вдруг застыла перед хором со строгим выражением лица. Сначала София подумала, что она смотрит на нее, но, к счастью, это было не так, Нура прожигала взглядом другую девочку, одну из тех, что с острова Фрейя, которая стояла рядом с Софией. Она не знала ее имени – та только недавно пришла к ним в хор, и, наверное, поэтому еще не поняла всех правил Нуры в церкви.

– Прости, пожалуйста, – сказала Нура, кивнув в сторону девушки. – Что это на тебе надето?

Девушка осторожно огляделась вокруг.

– На мне?

– Да-да, на тебе, – ответила Нура, спустившись с подиума к хору. – Здесь что, по-твоему, аквапарк?

Нура уперлась руками в бока и посмотрела на наряд девушки.

Шорты и короткий топ, открывавший живот.

– У тебя что, нет никакого уважения к Богу?

– Но здесь так жарко...

– В церкви мы одеваемся подобающе, – отрезала Нура. – У тебя есть что-нибудь еще?

– В сумке есть свитер, – пробормотала девушка, посмотрев в пол.

– Сходи за ним.

Пристыженно опустив голову, она побежала по коридору и вернулась уже в свитере.

– Так-то лучше, – кивнула Нура, вернувшись на дирижерское место, и подняла руки. – Начнем с *Любви Божьей*.

Они как раз собирались начать, когда вдруг в глубине церкви открылась дверь.

– Извините, что отвлекаю.

София улыбнулась, услышав знакомый голос.

– Да, Доротея? – вздохнула Нура.

Бабушка не пошла к ним, а осталась стоять у открытых дверей.

– Извините, но я должна поговорить с Софией.

София обернулась.

– Сейчас? – вздохнула Нура. – Но концерт же уже...

– Да, сейчас.

Голос бабушки звучал непривычно строго.

– Ладно. – Нура махнула рукой Софии.

София побежала по проходу между скамьями.

– Что такое, бабушка?

Бабушка взяла ее за руку, закрыла за ними дверь и, не успев выйти на лестницу, сразу ответила.

– Кое-что случилось, София. Кое-что печальное.

Небольшой полицейский участок, конечно, не был предназначен для этого. Все доступные полицейские округа стянулись на остров, чтобы быть там, где все произошло, в надежде, наконец, сделать настоящую полицейскую работу, в которой есть смысл. Миа уже забыла, каким авторитетом для всех является Мунк, когда он громко кашлянул и попросил о тишине, после того как они с ним протиснулись в переговорную в конце коридора.

– Кто тут главный оперативник?

Голос Мунка прогремел в маленькой комнатке.

Несколько одетых в форму полицейских неуверенно переглянулись, и один из них поднял вверх палец.

– Это я, Джек Ульсен, полиция Оркангера.

– Хорошо, Джек Ульсен, полиция Оркангера. Первым делом сделаете следующее. Выведите отсюда всех, я не шучу, *всех*, кто сегодня надел форму. Я не хочу видеть здесь ни одного человека в форме, ясно?

Какая-то женщина в форме, плотно зажата в углу комнаты, быстро подняла руку.

– Извините, вы хотите сказать, что нам нужно переодеться?

– Нет. И я говорю с Джеком.

Мунк показал на Ульсена.

– Джек, вы ответственны за всех людей в форме, понятно? Придав лицу серьезность, Ульсен кивнул.

– Здесь в кабинете я не хочу видеть ни одного полицейского. Здесь только отдел расследования, договорились?

– Но я... – начал сотрудник, стоявший в кучке людей за дверью, но Мунк только отмахнулся от него.

– Докладываете мне, я буду принимать информацию только от вас, понятно?

Джек Ульсен снова кивнул.

– Хорошо. Я так понимаю, что место преступления оценили, судмедэксперты сделали необходимую работу, а тело отправили на вскрытие?

Ульсен неуверенно посмотрел на сидевшего рядом коллегу, тот осторожно покивал.

– Да, – сказал Ульсен.

– Хорошо, следуйте протоколу, и повторю еще раз, если появится новая информация, сообщаете ее мне лично вы, это ясно?

– Ясно.

– В приоритете близкие. Я так понимаю, что отца не наблюдается, а мать по-прежнему ищем?

Снова неуверенный взгляд Ульсена и кивок коллеги.

– Сообщите мне, как только вы с ней свяжетесь, хорошо?

Ульсен встал с места и жестом позвал коллег из комнаты в коридор.

– Вы слышали приказ. Все на выход.

Хор недовольного бурчания и разочарованные вздохи, и все полицейские в форме покинули помещение.

– Итак, – сказал Мунк, осмотрев комнату, когда в ней наконец наступила тишина. – Кто у нас тут остался?

Горстка людей, все в гражданском, остались сидеть на своих местах.

– Давайте начну я, – кашлянула темноволосая женщина чуть за тридцать. – Нина Риккардо, следователь, Тронхейм.

Остальные последовали ее примеру.

– Ральф Ньюгорд, следователь, Оркангер.

– Привет, я Клаус, Клаус Нильсен, полицейский адвокат, Тронхейм.

– Кевин Борг, следователь, Тронхейм.

Лука Эриксен стоял в глубине кабинета, неуверенно оглядываясь.

– Э-э, да, Лука Эриксен, действующий ленсман, Хитра. Я, правда, в униформе, но вы вроде хотели, чтобы я?..

Миа улыбнулась ему.

– Конечно, Лука, вы здесь необходимы. Садитесь же.

Эриксен слегка кивнул остальным и сел на стул у окна.

– Окей, – сказал Мунк, оглядывая собравшихся.

– Для тех, кто не знает – меня зовут Холгер Мунк, а это Миа Крюгер.

Миа кивнула коллегам.

– Теперь мы ответственны за это расследование, и, если для кого-то это проблема, выясняйте с Людвигсеном. Кстати,

для кого-то это проблема?

Несколько человек покачали головами.

– Хорошо. И как я уже сказал, если что не так, дверь вон там. Я ожидаю, что вы будете следовать моим приказам и отныне мы работаем как один отдел.

Все переглянулись и закивали.

– Основные правила, – прогрохотал Мунк. – Как только вы выходите из комнаты, ни звука о том, что мы обсуждаем здесь. Ни жене, ни мужу, ни соседу и никому из местного начальства, вся информация только через меня, это ясно?

Все промолчали.

– Хорошо, и суперважно – ни звука прессе. Понимаю, может показаться соблазнительным стать тем, кто даст местной газете хотя бы намек на ход расследования. Но если я выясню, что кто-то из этой группы допустил утечку...

Он остановился.

– Мы поняли, – сказала та, которую звали Нина Риккардо.

Волосы средней длины, смугловатая кожа, наверное, отец из южной Европы. Одета в разноцветную одежду: узкие желтые джинсы, ярко-красная футболка и светлые кроссовки. Темные серьезные глаза. Вид у нее был уверенный и спокойный. Словно она давно занималась этой работой, несмотря на достаточно молодой возраст.

– Хорошо, спасибо. Еще раз скажу: я понимаю, что, наверное, для вас не предел мечтаний приезд следователей из Осло, которые забирают ваше дело, но так уж вышло. Отны-

не решения принимаю я.

– Не Миа?

Шуточку отпустил полицейский по имени Кевин Борг, светловолосый кудрявый мужчина, одетый в бежевый летний костюм и белую рубашку, один из следователей из Тронхейма.

– Если вы хотите что-то сказать Мии, а не мне, без проблем, только чтобы это не выходило за пределы этой комнаты, – сухо сказал Мунк и достал из сумки планшет. – Куда можно его воткнуть?

Лука что-то пробурчал и встал с места.

Миа немного пожалела о том, что назначила его ответственным. Эриксен явно чувствовал себя не в своей тарелке, пока разбирался с экраном за спиной у Мунка, втыкая провод в проектор на потолке.

– Вот так, – улыбнулся он виновато, когда фотографии наконец показались на стене.

– Хорошо, – сказал Мунк, снова оглядев комнату. – Постепенно мы получше познакомимся друг с другом, сейчас времени на это у нас нет, так что начнем с места в карьер, вы могли бы?..

Он кивнул Эриксену, который задвинул шторы, закрыл дверь в коридор и вернулся на место.

– Йессика Баккен, – сказал Мунк, показав первую фотографию.

Видимо, это был снимок из соцсетей. Улыбающаяся де-

вушка с брекетами, одета в обрезанные джинсы и короткую розовую футболку, открывавшую плоский живот. Она позировала для фото, жестом показывая знак «Победа».

Мунк повернулся к комнате.

– Я познакомился с ней час назад, у кого-то есть больше материалов?

Нина Риккардо покашляла и опустила взгляд на свой блокнот.

– Йессика Баккен, шестнадцать лет, родилась в региональной больнице Тронхейма. Мать, Лаура Баккен, тридцать три года, выросла недалеко от Трумсё. Заметка на полях: матери было всего семнадцать, когда родилась Йессика. Отец неизвестен. Я нашла дело, в котором она, то есть мать, пыталась навесить отцовство на некого...

Она быстро пролистала свои записи.

– Ромми Хова из Фауске. Провели ДНК-тест и выяснили, что он не является биологическим отцом девочки. Вернемся к Йессике. С рождения она была зарегистрирована по трем адресам: один в Бремнесе, на севере, другой в Эстбюене, в Тронхейме, и третий здесь, куда она приехала в возрасте девяти лет. Значит, судя по всему, здесь на острове они прожили семь лет.

– Хорошо, спасибо, – произнес Мунк. – Еще что-нибудь есть?

– Да, – кашлянул Ральф Ньюгорт, широкоплечий мужчина с бритой головой.

Одет он был в застиранную футболку «Спрингтин», коричневые вельветовые брюки, грязные кроссовки и казался менее уверенным в себе, чем остальные присутствующие следователи.

– Я как бы... не работал раньше над подобными делами, поэтому я не очень...

Он огляделся по сторонам.

– Говорите уже, – сказал Мунк.

– Ладно.

Нюгорд кивнул.

– Моя сестра живет здесь, недалеко оттуда, поэтому я...

– Недалеко откуда? – спросил Мунк.

– А, сорри, от дома Йессики Баккен и матери, то есть жертвы. Сестра звонила мне утром, когда все стало известно.

Мунк прервал его.

– Известно? Тело нашли вчера вечером, вы хотите сказать, что всем уже все известно?

Он осмотрелся вокруг.

– Это крошечный остров, – извиняющимся тоном сказал Лука Эриксен. – Тут все все знают. Ну то есть лично я никому ничего не говорил, но контролировать информацию не...

– Ладно, – вздохнул Мунк, положив ладонь на лоб.

Он бросил взгляд на Мию, и та сразу поняла, что он означает.

Надо найти мать.

Убита ее шестнадцатилетняя дочь.

Нужно, чтобы она услышала это от того, кто мог быть дать ей необходимую помощь, в каком бы состоянии она ни находилась.

Миа кратко кивнула в ответ.

– Прошу прощения, – Мунк обратился к следователю в футболке. – Продолжайте.

– Да, – сказал Нюгорд. – Как я уже сказал, звонила моя сестра, она сказала, что мать с дочерью хорошо известны в округе. Как она сказала, проходной двор.

– В смысле?

– То одни, то другие, – кивнул Нюгорд. – Вечные вечеринки. Нилле сказала, что...

– Это ваша сестра?

– А, сорри, да, сестра сказала, что они несколько раз звонили в полицию.

Мунк бросил быстрый взгляд на Луку Эриксона, тот кивнул.

– У меня есть протоколы, – сказал ленсман. – Всего шесть, три из них я ездил составлять лично, мне...

– Займемся этим позже, – отмахнулся Мунк.

– Она описала условия проживания девочки как крайне неблагоприятные, – продолжил Нюгорд. – Сказала, что Йес-сика часто ночевала у них, в основном, когда была младше. Они давали ей еду, иногда одежду, место для сна, в общем, помогали чем могли, когда мать была совсем не в себе.

Мунк жестом остановил его.

– А организация по охране детства? Оттуда есть рапорты?
Тишина в комнате.

– Нильсен, так? – сказал Мунк.

– Да, Клаус, – отозвался полицейский адвокат.

Высокий, казалось, он принарядился по особому случаю.

Черный костюм, несмотря на жаркую погоду, белая рубашка, подходящий к ним синий галстук и начищенные ботинки. Обручальное кольцо и дорогой на вид дипломат.

– Посмотрите в системе, хорошо?

Адвокат кивнул и сделал заметку на своем айпэде.

– Ладно, что еще?

– Последние годы они мало видели девочку, – продолжил Нюгорд, следователь из Оркангера. – Привет-пока, но на кое-что все же сестра мне указала.

Он пролистал телефон вниз.

– Не знаю, относится ли это к делу, но я для себя отметил. Йессика только закончила последний класс средней школы и работала няней в нескольких семьях: Мари Брюн, Анне Миккельсен...

– Позже займемся списком, – прервал его Мунк.

– А на этом все.

– Хорошо. Тогда...

– Нет, погодите, – сказал Нюгорд, схватившись за голову. – Еще кое-что, извините...

Он виновато улыбнулся.

– Да? – спросил Мунк.

– Прошлым летом случилось кое-что. Йессика заметно изменилась, это обсуждали на улице, где она жила.

– В чем изменение? – поинтересовался Мунк.

– Как будто у нее внезапно появились деньги.

– Вот как?

– Я еще не успел как следует расспросить, но Нилле сказала, что однажды девочка пришла в новой одежде, с хорошими часами, в дорогих сапогах, и да, я точно не знаю, с чем это связано, но что-то поменялось в стиле ее жизни, по крайней мере. И это не осталось незамеченным.

– Хорошо, – произнес Мунк. – Отлично. Инициативно, проактивно, отличная работа, продолжайте в том же духе.

В знак признательности он кивнул всем собравшимся.

– Я... – начал Эриксен, осматриваясь вокруг.

– Да? – спросил Мунк.

Лука быстро глянул на Мию и продолжил.

– Я составил список тех, кто, судя по всему, был ближе всего к жертве. Давайте?..

Он вытащил из кармана полицейской рубашки стопку сложенных листков и ручку.

– Слушаем, – махнул рукой Мунк.

– Ее подружки, – кашлянул Лука. – Судя по всему, в основном они зависали где-нибудь втроем: Йессика, Сильвия Грин и Ханна Хольмен.

– Хольмен? Которая?

– Старшая сестра Юнатана Хольмена, да, – сказал Лука.

Мунк посмотрел на Мию.

Собравшиеся немного забормотали.

– Хорошо, продолжайте.

– Мы тут живем и хорошо всех знаем, очень приятные и хорошие девочки, Сильвия...

– Детали потом, – сказал Мунк. – Сейчас кратко опишите тех, кто в списке.

– Окей. Сильвия и Ханна. Затем мать, Лаура, ее уже называли, больше родственников у них нет, по крайней мере на острове. Потом ее парень, Андрес Волд. Ему двадцать, на пять лет ее старше, сын Роара Волда, у которого автосервис в Квенвере.

Миа медленно кивнула самой себе.

Андрес Волд.

Она видела их, когда выкатывала мотоцикл из гаража. Компанию парней в старом «Вольво».

Водителя не заметить было невозможно.

Горластый длинноволосый парень с татуировками на руках и сережками в обоих ушах. Громкая музыка из окон, он распахнул заднюю дверь и кричал на одного из парней на заднем сиденье.

– Они то сходились, то расходились, – продолжил Эриксен, посмотрев на листочки перед собой. – Встречались ли они в последнее время, я не знаю, но его называли ее парнем, во всяком случае.

Эриксен остановился, казалось, он думает.

– Да? – сказал Мунк.

– Не знаю даже, стоит ли об этом говорить...

– Давайте уже, – проговорил Мунк.

– Ну, как бы лучше выразиться. Андрес. Да. Андрес Волд, он тут у нас персонаж известный. Он неоднократно во что-то впутывался. Не серьезные дела, нет, драки, несколько небольших взломов. Скажем там конфликтный. Не самый послушный ребенок в семье.

Борг вздохнул, скрестил руки на груди и покачал головой. Мунк жестом остановил Эриксена.

– Вы хотели что-то сказать?

– Что? – переспросил Борг, когда понял, что вопрос относился к нему.

– Да, вы.

– А, нет, я просто...

– Просто что? Может, я чего-то не понимаю? Вы приехали из Тронхейма и имеете что-то против местных жителей? Не понимаю.

Одетый в костюм мужчина потупил взгляд и провел рукой по светлым кудрям.

– Да нет, ничего.

– Спасибо, – сказал Мунк, кивнув Эриксену.

– Да, значит Андрес Волд. Сорвиголова, но как я уже сказал, я давно его знаю, он не злодей.

– Досье?

Это спросила Нина Риккардо. Она казалась бодрой на фо-

не других. Миа почувствовала, что ей нравится эта ярко одетая девушка.

– Нет...

Эриксен чуть замялся.

– Или как... конечно, стоило завести на него досье, но вы же понимаете.

– Ладно, – сказал Мунк. – Андрес Волд. Нужно привести его сюда как можно скорее, то же самое, само собой, касается и всех остальных из списка, особенно тех двух девочек...

– Сильвия и Ханна, – сказал Лука.

– Точно. У вас тут есть комната для допросов?

Он окинул взглядом маленькое помещение.

– Нет, специального нет, – ответил Эриксен. – Но есть еще одна переговорная. Может, воспользуемся ею?

– Хорошо. Подготовьте ее, желательно со звукозаписывающим устройством, если оно у вас тут есть.

– Есть, – кивнул Лука.

– Хорошо, – сказал Мунк, выглянув из комнаты. – У кого-то есть еще что-то? По Йессике?

Все присутствующие слегка покачали головами.

– Отлично, – произнес Мунк, нажав на свой планшет. – Йессика Баккен, шестнадцать лет. Вчера она была жива.

Новая фотография на экране.

– А сегодня ночью мы нашли ее в таком виде.

Ханна Хольмен боялась пошевелить головой. *Господи, как ей плохо. Сколько вообще времени?* Девушка попыталась дотянуться до телефона, лежавшего на ночном столике, но не смогла. Руки как будто не слушались. Ни одна часть тела не работала как надо. Тошнит. Все болит. *До скольких они вчера сидели? Черт, да она вообще дома?* Ханна попыталась открыть глаза, но смогла едва поднять одно веко. Свет как меч пронзил ее мозг, и тут же накатил приступ тошноты, словно снежная лавина из живота. *Твою мать... Надо блевануть. Нет, нет, нет.* Она лежала неподвижно, стараясь дышать как можно медленнее. *Господи.* Тошнота, к счастью, слегка отступила, достаточно, чтобы снова можно было более-менее нормально дышать. Ханна лежала с закрытыми глазами, пытаясь вспомнить вчерашний вечер. Вечеринка. Они начали в гараже у Андреса Волда. Около шести вроде бы? *Боже, а что с ее велосипедом? Как она вообще добралась до дома?* В гараже народу было немного, все как обычно. Сильвия, Йессика, Андрес, Морти, Филле, парни с Фрэйи, как их там зовут. Йеппе и... нет, второго не помнила. Андрес, конечно, устроил шоу, на всю включив свою стереосистему. Как обычно, с плохой музыкой. Компания была навеселе после домашнего самогона с соком из больших бутылок. Когда подошла очередь Ханны, она, само собой, по-

пробовала, иначе все бы обиделись, но снова обожгла горло. Вообще, она для себя решила много не пить. От одной только мысли о жутком похмелье становилось невыносимо. Ей всегда было плохо после всего, что они пили. Предполагалась костюмированная вечеринка, но костюмы сидели на собравшихся кое-как. Андрес был одет как парень из какого-то фильма ужасов и выглядел жутковато. У Йессики порвалась резинка на маске Микки Мауса, и она болталась у нее на шее. *Что? Нет, это было намного позже, разве нет?* В голове Ханны вспыхивали обрывки воспоминаний из бункера. Все так же громкая музыка, но приятнее, мигающий свет повсюду, и ее телу впервые за долгое время захотелось потанцевать. Обычно она не танцевала, не любила, чтобы на нее смотрели другие, а сейчас не смогла удержаться. Ханна смеялась во весь голос и как умалишенная скакала в толпе, словно какая-то сила овладела ею, словно это место кто-то заколдовал. Повсюду костюмы и маски. Рядом ржала лошадиная морда. Ехидно ухмылялась ведьма с зеленым носом. Дьявол что-то шептал в ухо Йессики. Потом показалась Сильвия в маске Гуффи и промелькнула Йессика, они где-то на улице? Прямо перед глазами Ханны возник Микки Маус и как будто с небес раздался голос. *Смотри, резинка порвалась.*

... О господи, опять тошнит. Ханна в отчаянии зажала рот руками. *Твою мать, вот говно.* В памяти вспыхнул костер, где-то вдалеке, может, за гаражом Андреса? Они вышли на

улицу, да? Им надоели шум и музыка. Кто-то полил бензином валявшиеся доски. И снова лицо Йессики, ее маленькая рука протягивает ей какие-то таблетки.

Инфинити.

Ханна осторожно открыла глаза, на этот раз получилось лучше. Плакат Джастина Бибера у двери. Значит, она все-таки дома. В своей постели. *Фух.* Уже кое-что. Так сколько сейчас времени? Она пощупала телефон на ночном столике, но его там не оказалось. Ладно, значит, должен быть в кармане штанов. Надо тихо полежать еще немного, потом попробует его достать. Нужно с кем-нибудь поговорить. Что вообще произошло? Ей вспомнился голос Йессики на закате. *Ты должна их попробовать, только пришли, называются инфинити.* Она, кажется, попыталась отказаться, но, видимо, не получилось. Таблетка на язык – Ханна запила ее пивом. О Господи, нет, сейчас вырвет. Она резко встала и выползла из постели. Попыталась стоять прямо, но ноги не слушались.

О боже, твою ж...

Ее вырвало фонтаном на пол, и она легла, обняв себя руками. Фу, какая отвратительная гадость. Блевотина везде, стекает по подбородку, в волосах, нестерпимая вонь, от которой хотелось плевать еще больше, но в животе было уже пусто. Ханна подняла руку и натянула на себя одеяло. *Телефон.* Штаны лежали прямо перед ее глазами. В кармане что-то топорщится. *Слава богу.* Ей стоило это всех оставшихся сил, но в конце концов удалось его выудить. Разрядился.

Черт. Зарядка воткнута в штепсель под кроватью. Девушка с трудом смогла воткнуть провод в телефон и легла, тяжело дыша.

Инфинити.

Близкое к сумасшествию лицо Йессики на танцполе в бункере. Желтые таблетки. Это из-за них ей так плохо? Видимо, да. *Чертова Йессика.* Нет, зря она так. Это вина только самой Ханны. Она же приняла решение. Не пить так много. Не соглашаться на таблетки, которые ей постоянно предлагают. Телефон запищал. Теперь можно его включить, главное, не вынимать зарядный провод. Дрожащими пальцами она медленно вводила пин-код. *Пип, пип, пип, пип, пип, пип.* Звук резал ей слух. Господи, да сколько сообщений ей там пришло? Она подползла ближе к экрану и попыталась прочесть их, но все расплывалось перед глазами. Штук пятьдесят неотвеченных вызовов. Она сделала усилие, чтобы прочесть, и нажала на имя Сильвии.

– Ханна, где ты?!

Голос подруги нестерпимо резал слух.

– О, Сильвия, потише, мне так плохо, просто капец...

– Йессика мертва!

Ханне стало трудно дышать, тошнота опять подкатила к горлу.

– Я знаю, – прошептала она. – Я тоже. Мертва. Что вообще вчера было? Как мы доехали до дома?

На мгновение в трубке повисла тишина, и Сильвия вновь

завопила, захлебываясь слезами.

– Нет, ты не поняла! Они нашли ее в лодке! По-настоящему! Она умерла!

Миа припарковала мотоцикл у ограждения и пошла к Мунку, тот уже стоял у старого бота. Женщина рядом с ним в белом защитном костюме приспустила маску с лица, увидев Мию, и заулыбалась.

– Привет, Миа.

– Привет, Рита.

– Не лучший повод для встречи, так вроде говорят? – сухо сказала женщина, пожимая Мии руку.

Рита Меллбю из отдела криминалистов.

– Вы были внутри?

Меллбю показала на палубу.

– Только я, – кивнула Миа. – Вчера поздно ночью. Было темно, я почти ничего не увидела.

– Поняла. – Рита жестом подозвала одного из криминалистов. Тот подошел к ней с планшетом. – Я отведу вас туда, только сначала нам нужно закончить. Вот снимки того, что нам удалось раскопать на данный момент.

Миа и Мунк прошли за ней в палатку и сели за стол.

– Вы нашли ее телефон? – спросил Мунк.

– Пока нет, – сказала Рита, посмотрев на его сигарету. – Ладно ты себя травишь, Мунк, но можно хотя бы нас избавить от этого?

Мунк покачал головой и вышел на улицу, чтобы затушить

сигарету.

– Он вообще собирается когда-нибудь бросить? – спросила Рита, включая айпэд.

– Говорит, что сигареты помогают ему думать, – пояснила Миа.

Меллбю засмеялась.

– Ты же нормально думаешь без этого, правда, Миа?

– Ну да.

– Вот видишь, значит, и без курения можно обойтись.

– Все, – сказал Мунк, вернувшись. – У вас есть что-то, что неизвестно нам?

– Не знаю, что вам сообщили, – ответила Рита, свайпнув экран. – Нам не сразу удалось наладить свет, генератор не работал, поэтому мы задержались с результатами, прошу прощения за это.

– Все нормально. – Мунк сел на стул.

В углу палатки работал вентилятор, но от жары не спасал. Почти шесть вечера, а солнце пекло, словно был полдень в куда более южной стране.

– Фух, – выдохнул Мунк, снимая куртку.

Миа улыбнулась.

Так странно было видеть его таким. Обычно он всегда укутанный в одежду: темные вельветовые брюки, большой шарф и бежевое пальто, а теперь словно был летней версией себя. Светлые брюки и гавайская рубашка, будто ее достали со дна шкафа, даже не проверив, все ли пуговицы на месте. Свет-

ло-желтая куртка тоже была из другой эпохи.

Миа поймала на себе взгляд Холгера.

И почувствовала легкий укол совести.

Голубые собачьи глаза смотрели на нее.

Серьезно, Миа, ты же не собираешься уходить?

Ты же это не всерьез?

Мы с тобой? Это же наша работа!

Тот же взгляд, что и тогда. Мунк потянулся к пачке за сигаретой, но вспомнил, что Меллбю запретила курить в этой палатке.

– Итак, – начала Рита, листая фотографии. – Мы, или скорее местная полиция, нашли девочку в таком виде. На спине на полу, в обуви, юбке, трусах, топе. Нужно, безусловно, подождать результатов экспертизы, но непохоже, что она подверглась сексуальному насилию. Вся одежда на ней, как я уже сказала, единственное, что мы обнаружили – это дыра на куртке, лежавшей рядом с телом.

Она увеличила снимок.

– Видите, лоскут ткани внизу рукава, на вид свежий, но это может быть все что угодно, она же была на вечеринке.

– Проверим временной отрезок. – Мунк бросил взгляд на свою пачку сигарет.

– Далее вот эта чашка.

Рита снова свайпнула.

– Ее вы видели, так?

Миа кивнула.

– Надпись самым обычным фломастером, судя по всему. Слова BABY и SKJSHGE, потом то ли пятнышко, то ли точка, видите? После BABY?

Она увеличила фотографию, чтобы следователи могли лучше разглядеть.

– Чашка довольно новая, она *могла* принадлежать девушке, но непохожа, выпадает из общей картины вещей убитой. У нее там ворох всякой всячины, она явно не пользовалась услугами дизайнера интерьеров. Мы полагаем, что она тут жила, верно?

– Мы пока это выясняем, – сказал Мунк. – Но похоже на то.

– Совершенно согласна, – сказала Меллбю. – Во всяком случае на данный момент. Мы проверяем эту чашку, она выглядит дешевой. Тут на острове есть магазин «Европрис», может, нам повезло, и чашка оттуда.

– Хорошо, – пробормотал Мунк, указывая на экран. – А это что?

– Кое-что крайне интересное, – отозвалась Меллбю. – Ну то есть решать, конечно, вам.

Она пожала плечами и увеличила фотографию, на которую указал Мунк.

– На дне чашки мы нашли остатки чего-то, видите? Подождите, у меня есть снимок получше, с микроскопа.

– На дне чашки? – переспросил Мунк.

– Ага, – сказала Рита и выкрикнула из палатки. – Бенни?

В палатку просунул голову молодой мужчина.

– У тебя с собой пакетик с тем, что мы нашли в чашке?

Криминалист исчез и вернулся с маленьким пакетиком для улики.

Рита отнесла его к стоящей в углу палатки увеличительной лампе и с гордостью положила улику под лупу.

– Волос? – спросил Мунк.

– Почти незаметный, но мы нашли его.

Она взяла пакетик из-под лампы, и все трое вернулись за стол.

– Итак, – сказала Рита. – Чашка из-под чая с надписью BABY SKJSHGE, и, насколько мы видим, кто-то решил провести небольшой ритуал, сжег волос в чашке и поставил ее на пол у тела.

– Волос принадлежит Йессике? – заинтересовалась Миа.

– Не думаю, – покачала головой Рита. – Мы ждем ответа, но этот волос явно темнее, смотрите.

Она подняла пакетик на свет.

– Дождемся ответа лаборатории, – произнес Мунк, нетерпеливо постучав пальцами по сигаретам.

– Кровь, – сказала Рита, показав новое фото. – Вся кровь ее, нужно будет еще раз перепроверить, но быстрые тесты показали, что с большой вероятностью вся кровь принадлежит жертве. Следов другой крови нет, лодка похожа на кучу мусора, там могут быть и другие пятна, но пока мы ничего не нашли.

Она снова сменила изображение на экране.

– Это вы уже наверняка видели, имя Юнатана, написанное кровью, полагаю, что вы считаете, что это?..

– Имя пропавшего мальчика, – проговорил Мунк. – Есть еще что-то?

Рита обиженно посмотрела на него.

– Хотите весь отчет или как?

– Больше нет ничего нового? Тогда позже.

Он взял сигареты со стола и, прикурив по пути на выход, прошел вперед Мии к лодке.

– Что думаешь?

Миа покачала головой.

– Точно не знаю.

– Ритуал? Сжечь чей-то волос в чашке с небольшим посланием? – сказал Мунк.

– Возможно. *Baby*. Не знаю. Может, она была беременна?

– Это мы скоро узнаем, ты думаешь в этом направлении? Молодая девушка? Изменила с чьим-то мужем? Месть?

– А тебе не кажется это притянутым за уши? Убить ее, может быть. Но совершать обряд? Неочевидно, как по мне.

– Может быть, – бросил Мунк, посмотрев на палубу. – Ты уходишь?

– Да. Займись осмотром, а я пойду по следу Юнатана, ладно?

– Окей, – кивнул Мунк. – Ты знаешь, где я остановился?

– Отель «Юртен». Вообще он переполнен из-за свадьбы,

но я знаю, что на номере для тебя настаивало начальство, и теперь какому-то обиженному журналисту из таблоида придется пожить в палатке.

– И поделом, – пробормотал Мунк. – Зайдешь позже?

– Я позвоню, – сказала Миа и поспешила к мотоциклу.

Это было здесь. Из этого дома Юнатан вышел три года назад. Семья Бю. Последние, кто видел мальчика в живых. Белый дом из каталогов восьмидесятых, немного перестроенный. Современный маленький стеклянный четырехугольник, одной стороной обращенный к морю. Обычный дом, вот что первым пришло ей в голову. Ничем не приметный, глаз ни за что не зацеплялся. Во дворе серая «Субару». Детский домик на дереве в саду. Серый велосипед-внедорожник, подвешенный у лестницы на веранду. На входной двери керамическая табличка с надписью прописью: *Здесь живут Эрик, Шарлотте и Эйнар*. Миа нажала на латунный звонок и услышала его трель откуда-то изнутри.

– Да?

В дверном проеме появилась женская белокурая голова с вопросительным выражением лица. Очевидно, что тут уже не было так, как раньше. События последних суток внезапно все изменили. Разрушили идиллию. Уничтожили безопасность. Еще позавчера Шарлотте Бю открыла бы дверь нараспашку, с улыбкой.

– *Здравствуйте, вы кто?*

Но не сегодня.

Сорокалетняя женщина с нервно бегающим взглядом недоверчиво посмотрела на Мию.

– Здравствуйте, вы Шарлотте?

– Я.

– Я Миа Крюгер. Я из полиции.

– А-а, – протянула Шарлотте Бю.

Миа увидела на ее лице облегчение.

– Извините, я только...

– Все в порядке, – сказала Миа. – Понимаю: вчерашние события на всех нас повлияли.

– О да, какой кошмар, – согласилась с ней Шарлотте, обхватив себя руками.

Она вышла на лестницу и огляделась по сторонам.

– Сейчас уже все немного стихает. Ну ладно исчезновение Юнатана. Но убийство? Тут, у нас? Нет, в это просто невозможно поверить. Мы стали запираить двери. Я уже не отпускаю Эрика одного гулять.

– Мы делаем все, что можем, – постаралась успокоить ее Миа. – Но я отлично вас понимаю. У вас есть пара минут? Можно я?..

– Да-да, конечно, – ответила Шарлотте. – Хотите зайти? Я только что поставила кофе.

– Нет-нет, много времени это не займет. Я сейчас пытаюсь восстановить картину того вечера. Когда пропал Юнатан. Он был у вас, верно?

Взгляд Шарлотте Бю потяжелел.

– Да, он был здесь. Звучит, наверное, странно, но кажется, словно это было вчера. Я бесконечное множество раз снова

и снова прокручиваю ту сцену в голове. Дети играли. Шорох в коридоре, когда Юнатан обувался. Как он крикнул *Пока*, совершенно обычным тоном, понимаете? Я была на кухне, даже не думала ни о чем таком. Мне кажется, я должна была, даже не знаю...

Она грустно покачала головой.

– Не вините себя, – сказала Миа. – Вы ведь ничего не могли изменить, правда?

– Не могла, ну или даже не знаю. Я могла бы проводить его. Как же я хотела бы все вернуть назад. Если бы я только предложила подвезти его... Положили бы его велосипед в багажник. Отвезла бы домой. Но я...

– У вас не было причины.

– Причины на что? – переспросила Шарлотте, на секунду выключившись из беседы.

– Вы не могли знать заранее.

Она снова замолчала.

– Да, не могла. Ведь Юнатан всегда возвращался от нас домой на велосипеде. Но все-таки?..

Она покачала головой и посмотрела на Мию грустными глазами.

– Понимаю, – сказала Миа. – Время верное, как думаете?

– Какое время?

Миа достала свой блокнот и полистала записи.

– Крипос зарегистрировал звонок матери Юнатана в 20:31. И что он выехал из дома в 20:40. Верно?

Шарлотте Бю кивнула.

– О, да. Полиция несколько раз об этом спрашивала, я на сто процентов уверена. Я увидела его в окно кухни, когда он поднимал велосипед с земли. Бросила взгляд на часы. Без двадцати девять. Помню, как подумала: придет домой около девяти, как раз вовремя ляжет спать. Ну знаете, как обычно думают матери.

Она быстро улыбнулась, словно оправдываясь.

– Понимаю. Спасибо, что подтвердили. Тем вечером ничего не случилось?

– Что, например?

– Ну, что-нибудь необычное? Юнатан говорил о чем-нибудь? О чем-то, например, что привлекло его внимание? Может, он видел что-то странное? Встретил кого-то по дороге...

Шарлотте покачала головой.

– Нет, я уже говорила тем, кто приходил тогда, ничего такого я не помню. Я и детей спрашивала не раз, и Эрика, и Софию, но нет. Они веселились вместе, ели попкорн, который я приготовила. Самый обычный вечер. До тех пор, пока...

Шарлотте Бю снова замолчала и тяжело вздохнула.

– Спасибо, – сказала Миа. – Можете показать путь, по которому он ехал?

Путь мальчика от двора вдоль участка по маленькой аллее до дома был обозначен на карте, но Миа хотела убедиться.

Шарлотте Бю ступила на лестницу.

– Но на сто процентов я знать не могу, – сказала она, показывая рукой. – Но, как я уже говорила другим следователям, он шел вдоль участка и через Бьёркелунден, катя велосипед. Там есть тропинка. Так гораздо быстрее добраться до дороги.

– Бьёркелунден? – переспросила Миа.

На карте этого названия не было.

Шарлотте снова быстро улыбнулась.

– Да, может, она так не называется, но мы так обычно говорим. Аллею посадил прадедушка Эрика, еще очень давно. Он считал, тут слишком мало лиственных деревьев. Наверное, хотел вырастить тут свой собственный лес.

– Ладно, будем отталкиваться от этого. Ваш сын дома?

– Нет, они с Эйнарсом уехали рыбачить. Уже поздно, значит, они скоро должны вернуться домой. Мне попросить кого-то из них с вами связаться?

Миа достала визитку из кармана.

– Вот мой номер, если вы что-нибудь вспомните, хорошо?

Посмотрев на визитку, Шарлотте Бю кивнула.

– Вы что-нибудь знаете про?..

– Йессику?

– Да. Ее правда?..

– Увы, в подробности вдаваться я не могу, – ответила Миа. – Но мы работаем над делом. Ах да, кстати, еще кое-что.

– Слушаю?

– Вы не знаете, они были знакомы?

– Кто? Йессика с Юнатаном?

– Да.

Шарлотте нахмурилась.

– Думаю да, хотя точно не знаю. Йессика же дружила с Ханной, его сестрой. Но были ли они вместе в тот день, я не знаю.

– А Эрик, ваш сын? Он знал ее?

Она покачала головой.

– Мы сегодня говорили с ним о случившемся – он не знает Йессику.

– Хорошо, кажется, я спросила обо всем, что мне нужно.

Миа собиралась уйти, но Шарлотте Бю не двигалась с места.

– Вы так считаете? – обеспокоенно спросила она.

– Считаю что?

– Что они как-то связаны между собой. Исчезновение Юнатана и...

– На данный момент у нас нет версий, но не исключаем ни одного варианта. Спасибо за помощь. Позвоните, если что-нибудь вспомните, ладно?

Шарлотте Бю кивнула и осталась стоять на лестнице, пока Миа не дошла до конца участка.

Окей.

20:40, Юнатан выходит из дома.

Миа прошла через ворота в изгороди, пересекла луг и ока-

залась словно в маленьком волшебном мире. Аллея из прекрасных берез, близко посаженных друг к другу, вела вверх в практически сказочный лес. Миа остановилась у просвета между деревьями и увидела лодки на блестящей морской воде.

Здесь он шел.

Может, он что-нибудь тут увидел?

Что-то необычное?

Лодку?

Что-то, что вызвало в нем любопытство?

Миа продолжила путь по тропинке и вновь остановилась у очередного просвета.

До этого места шесть минут.

Он идет домой, верно? Мама звонила. Идет, не тормозит. Если нет, значит, у него есть причина остановиться? Может быть, вот тут? Что, если он что-то увидел? Что-то заметил?

Миа огляделась по сторонам.

Кто-то вырезал сердечко в коре дерева и подписал.

Томас + Хейди.

Тропинка закончилась, и Миа вышла на дорогу. Она взглянула на телефон. Двенадцать минут. С парой остановок. Она повернулась и посмотрела вниз на оставленную за спиной тропинку. Быстроногий мальчик? Пусть и катя велосипед. Минут десять? Одиннадцать?

Вышел в 20:40. Пришел сюда около 20:50.

Она убрала телефон обратно в карман и продолжила путь

по дороге. Всего несколько минут пешком, и *Свинген*. Она огляделась. Здесь ничего нет. Ни дома. Ни съезда с дороги. С одной ее стороны скалы, с другой – елки. Пустыня. Так откуда же заметили ту машину? Где вообще живет этот Якоб Валлстедт? Она прошла еще пару сотен метров, прежде чем заметила в конце поворота на возвышенности серого цвета ухоженный двухэтажный дом с большой верандой, с которой открывался вид на всю округу. Отсюда, скорее всего, и увидели машину.

Около 20:50. В Свингене была замечена машина...

Время совпадает.

Полностью.

Миа вернулась к мотоциклу и, не надевая шлем, проехала несколько сотен метров вверх по гравиевой дорожке.

Якоб Валлстедт.

В саду стоял мужчина с граблями в руках. Пахло свежескошенной травой. У стены из глянцевых камней аккуратно пострижены кусты роскошной сирени. Хозяин дома явно умел поддерживать порядок на приусадебном участке.

– Эй? – вопросительно воскликнул Валлстедт, прислонив грабли к одному из ухоженных деревьев.

Сверкнув испуганным взглядом, он вытер руки и пошел к Мии.

– Я Миа. А вы Якоб?

– Да.

– Это же вы видели ту машину, да? В тот вечер несколько

лет назад? Я...

Она не договорила.

Валлстедт резко остановился на газоне, не доходя до Мии.

– Я уже сказал все, что знаю. Я больше не выдержу волнений.

– Да-да, конечно, извините, – кивнула Миа. – Мне нужно выяснить всего лишь пару моментов, мы могли бы?..

– Нет и нет, – сказал пожилой мужчина, прикрыв голову руками. – Говорите с полицией.

– Я и есть полиция. Это не займет много времени, я только...

– Нет, я уже много раз рассказывал все, что знаю.

И снова испуганный неуверенный взгляд.

– Всего пять минуточек?

– Оставьте меня в покое, пожалуйста.

Мужчина повернулся и, шаркая ногами по траве, пошел обратно и исчез за углом дома.

Миа, спустившись вниз к дороге, бросила взгляд на дом.

Она увидела в окне за шторами лицо старика.

Ну ладно.

Тут что-то нечисто.

Она уже собиралась надеть шлем, как у нее зазвонил телефон.

– Да?

– Это Холгер. Ты далеко?

– Нет, в пятнадцати минутах от тебя.

– Мы кое-что нашли. Ты должна это увидеть.

Миа села на мотоцикл и поехала в обратную сторону к бухте. Едва она успела припарковаться, Мунк побежал к ней вверх по пологому склону.

С их последней встречи он, должно быть, вел активный образ жизни, потому что выглядел более спортивным, чем раньше. Почти не задохнувшись, он подошел к ней с пакетиком для улик в руке.

– Смотри, – улыбнулся он, протягивая Мии прозрачный пакт с черной записной книжкой внутри.

– Вы нашли ее в лодке? – спросила Миа, доставая перчатки из кармана куртки.

– Под матрасом в углу, – ответил Мунк.

Миа открыла записную книжку на первой странице.

Имена и числа с датами.

Список.

Написан в основном карандашом, кое-где ручкой.

14/4: Мистер ЛОЛ – 1500

16/4: Биг Б – 1200

21/4: Вик. – 500

22/4: Мистер ЛОЛ – 1500

28/4: Мистер ЛОЛ – 1500

– Вот как. – Она стала аккуратно листать дальше.

На следующей странице то же самое.

Три имени.

Перед ними даты, а после – числа.

– Кажется, к нашей Йессике приходили гости, – сказал Мунк, вставляя сигарету в рот.

– Суммы денег? – предположила Миа.

– А ты как думаешь?

Миа полистала дальше и поднесла палец к нижней дате.

– Значит, трое мужчин? Первая запись в апреле и последняя пару дней назад?

Мунк кивнул и слегка улыбнулся.

– Но это еще не все.

– Что?

– Мы нашли наркотики в лодочном сарае. Довольно много. Недешевые штуки. Пойдем, я тебе покажу.

Он достал из кармана зажигалку, прикурил сигарету и быстрым шагом пошел к лодке.

София лежала в кровати, испытывая столько чувств, что и не знала, что с ними делать. Солнце за окном уже садилось, окрашивая оранжевым цветом водную гладь, тихо, словно хотело что-то сказать девочке. *Я тут, с тобой.* Или может: *Я тебе помогу.* София знала, что это странно, но иногда ей казалось, что она может разговаривать с животными и природой. Не словами, конечно, но контактировать с ними каким-то своим особым способом. Для нее было невыносимо видеть, как папа опускал крабов в кипящий котел, она слышала, как они словно кричали от ужаса.

Целая гамма чувств.

София чувствовала боль, страх и, как ни странно, что, по меньшей мере, казалось ненормальным, – приятные ощущения.

Ее няня умерла.

Бабушка была очень серьезной, и папа мигом приехал. Они посадили Софию за кухонный стол и рассказали о случившемся тем тоном, которым обычно говорили, когда происходило что-то плохое. Они повторяли это так много раз, что София чуть было не сказала *да, я уже поняла*. Естественно, она этого не сделала. Ей же не хотелось выглядеть невежливой. Конечно, ужасно, что ее няня умерла. Но бабушка и папа вели себя так, словно София с няней были луч-

шими подругами или еще что. Но это не так. Да, она несколько раз приходила с ней посидеть, но на этом все. Йессика была не очень-то милой. Улыбалась, пока папа не выходил из дома, но как только папина машина скрывалась за поворотом, все менялось.

– Слушай, София, посиди у себя в комнате, может, фильм посмотришь или что-нибудь в компе? Ко мне придут гости, поняла? Ты же никому ничего не скажешь?

Не скажу.

Она ничего не скажет, нет.

Она же не стукачка какая-нибудь, она это выучила в школе, хотя там было немного народу.

Но сидеть одной в комнате было скучно. Из гостиной доносился шум и смех. Спать невозможно.

Почти как сейчас.

София вздохнула и села в постели.

Совершенно невыносимо.

Как ей вообще заснуть?

После всего, что сегодня произошло?

Она раздвинула шторы и приоткрыла окно. Обычно она любила спать с закрытым окном. Раньше София спала с открытым, но однажды ночью она вдруг проснулась от того, что в комнату залетела птица, большая ворона, совершенно сумасшедшая, она кричала и махала крыльями, сбросила кубки девочки с полки.

В конце концов папе пришлось ее убить.

С тех пор окно по ночам было закрыто.

Но не сегодня.

Просто-напросто слишком жарко.

По радио у бабушки обещали тропическую ночь.

И так и было.

Хорошо, что они собрались вот так втроем.

Ведь это случалось не так уж и часто, да?

Раньше, когда был жив дедушка и мама жила дома, они постоянно бывали вместе. Обеды в саду и да, просто как обычная семья. А потом, когда мама уехала, все стало иначе.

Развод.

Она ведь слышала их по телефону.

Лучше бы она этого не слышала, но ей так хотелось пить, а ближайшая вода была в кране в старой ванной наверху.

И папа стоял там у телефона, с красными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.